
ARTE VOLUPTAS
EX
LIBRIS

2380
434

„Пров 38“

Дозволено цензурою. Кіевъ, 7 ноября 1905 г.

КІЕВЪ.
Первая Кіевская Артель Печатнаго Дѣла, Трехсвятит. 5.
1905.

Марксовская теорія соціальнаго развитія.

Буржуазный міръ, повидимому, долженъ притти въ своего рода радостное возбужденіе по поводу критическаго разложенія марксизма. „Конецъ марксизма“ долженъ быть подвергнутъ живому обсужденію и анализу со стороны его благотворнаго вліянія. Тѣмъ не менѣе, мнѣ кажется, что въ этомъ заключается большое заблужденіе, и, если-бы я захотѣлъ дать своей статьѣ громкій заголовокъ, я назвалъ-бы ее скорѣе „началомъ марксизма“ или—еще лучше:—„марксизмъ и отсутствіе конца“.

Справедливо, конечно, что ученія Маркса подвергаются критическому пересмотру и переработкѣ. Но въ этомъ я вижу только доказательство того, насколько глубоко они вкоренились въ соціальнополитическое мышленіе, насколько растетъ стремленіе этого мышленія ихъ на самомъ дѣлѣ ассимилировать. Однако—нельзя ассимилировать не включая.

И еще одно: марксовскую систему упрекаютъ въ разнообразныхъ и глубокихъ противорѣчіяхъ Но я полагаю, что никогда еще не была создана такая великая и богатая содержаніемъ система, которой не были бы присущи научныя противорѣчія или, выражаясь еще сильнѣе,—нелѣпости. Великія системы—не исключая научныхъ—суть своего рода великолѣпныя архитектоническія

созданія великихъ индивидуальныхъ духовъ. Съ эстетической точки зрѣнія онѣ всегда стройны, какъ художественныя единства выступаютъ онѣ передъ коллективною наукой, чтобы быть разложенными ею,—въ старательной эмпирической и познавательнокритической, детальной работѣ,—на отдѣльныя части согласно логическимъ точкамъ зрѣнія. Эстетическія сочетанія, и быть можетъ наипрекраснѣйшія, при этомъ должны быть безчеловѣчно разрушены, а впечатлѣніе цѣлаго неизбѣжно теряется. И, все же, обиліе и достоинство отдѣльныхъ образующихъ элементовъ, духъ творчества въ этихъ сочетаніяхъ—несмотря на такую разъединенность—идутъ на благо наукѣ. Изъ этихъ остатковъ можетъ быть взято многое. Такъ дѣло обстоитъ и съ марксовской системой, прекраснѣйшимъ созданіемъ соціальной науки новаго времени. Чтобы быть использованной наукою на самомъ дѣлѣ, она должна лишиться своей эстетической цѣлости, должна быть подвергнута разложенію. Ученіе о „предѣльной прибыли“ никогда не будетъ ниспровергнуто, но оно вѣдь—давая полное признаніе австрійской школѣ, представляетъ совсѣмъ незначительную часть по сравненію съ марксовской системой—надежный камень для строенія по сравненію съ прекраснымъ возвышающимся зданіемъ. Какъ марксистъ, я написалъ эти строки отъ всей души. Какъ бы далеко не итти въ критикѣ учителя, это не вредитъ нисколько сознательному благоговѣнію.

Теперь къ дѣлу!

* * *

Слѣдующія изслѣдованія трактуютъ о марксовской теоріи соціальнаго развитія. Подъ этимъ я понимаю не всю систему матеріалистическаго пониманія исторіи, а только спеціальное примѣненіе его къ развитію отъ капитализма къ соціализму—со стороны содержанія, формально же—въ понятіяхъ абстрагированную форму этого развитія, именно раскрытіе соціальныхъ противорѣчій.

Матеріалистическое пониманіе исторіи будетъ мною затронуто лишь постольку, поскольку правильность его спеціальнаго примѣненія —по содержанію и по формѣ— должна быть опредѣлена при помощи основной схемы.

Конфронтація общаго принципа со спеціальнымъ примѣненіемъ должна обнаружить одно, до сихъ поръ, какъ мнѣ кажется, неотмѣченное логическое противорѣчіе въ общепринятой марксистской теоріи развитія. Обоснованная Марксомъ теорія соціальнаго развитія можетъ быть подвергнута излѣдованію съ двухъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, можно спросить о томъ, соотвѣтствуютъ ли ея предпосылки спеціально соціальному опыту, т. е. могутъ ли онѣ при своемъ конкретномъ опредѣленіи имѣть претензіи на эмпирическое значеніе. Во вторыхъ, встаетъ вопросъ о томъ, вмѣщается ли эта теорія соотвѣтственно ея логически-отвлеченной постройкѣ въ цѣлое нашего опыта. Эта двоякая постановка вопроса отчасти обусловливается тѣмъ, что и у Маркса съ Энгельсомъ подобно тому, какъ при установленіи отдѣльныхъ теорій, по большей части отсутствуетъ всякое познавательно-критическое размышленіе, имѣетъ мѣсто слѣдующее: оба мыслителя, занимая двойной постъ—гегеліанцевъ и марксистовъ, были совсѣмъ далеки отъ теоретико-познавательныхъ изслѣдованій. Отчасти отдѣльное разсмотрѣніе этихъ двухъ вопросовъ основывается также на томъ, что въ Марксовской теоріи дѣло идетъ не только объ установленіи фактовъ, которые сами по себѣ выражаютъ одно и тоже, но, главнымъ образомъ, о толкованіи такихъ фактовъ. А именно, изъ фактовъ прошлаго и настоящаго должно быть опредѣлено соціально-политическое будущее. Подобная теорія можетъ быть критикуема только при помощи теоретико-познавательныхъ изслѣдованій.

Въ чемъ же заключается въ такомъ случаѣ обоснованное Марксомъ ученіе о развитіи современнаго общества? Три важныхъ факта, или, точнѣе, три группы фактовъ легли въ его основаніе. 1. Развитіе производи-

тельныхъ силъ общества въ продолженіе капиталистической эры при господствѣ буржуазіи и въ формѣ анархическаго хозяйства конкуренціи—теорія обобществленія и концентраціи производства и теорія производительной анархіи въ капиталистическомъ обществѣ. 2. Прогрессирующее соціальное угнетеніе низшихъ классовъ народа и разложеніе среднихъ классовъ съ теченіемъ капиталистическаго развитія—теорія обнищанія и теорія экспропріаціи мелкихъ капиталистовъ крупными. 3. Выступленіе революціоннаго пролетаріата. Пролетарски-революціонное движеніе находитъ свое идейное выраженіе въ коммунизмѣ—теорія соціалистической миссіи пролетаріата, созданнаго капиталистическимъ развитіемъ и растущаго съ ростомъ послѣдняго. Пролетаріатъ нищаетъ, но достигаетъ въ то-же время той соціальной и политической зрѣлости, которая дѣлаетъ его способнымъ ниспровергнуть активною классовою борьбою капиталистическую систему и поставить на ея мѣсто систему соціалистическую.

Эти три основныхъ факта были поставлены Марксомъ въ связь другъ съ другомъ и разработаны въ видѣ теоріи соціальнаго развитія. Всѣ три усвоенныхъ Марксомъ комплекса фактовъ, такъ сказать, тенденціи развитія, отвлекаясь отъ ихъ опредѣленно соціалистическаго толкованія, были заимствованы изъ реальной жизни. Постольку теорія была вполнѣ *реалистична* и независима отъ всякой чисто мысленнымъ путемъ построенной схемы. Посмотримъ же, какъ было осуществлено соціалистическое толкованіе, слѣдовательно, теорія соціальнаго развитія, въ собственномъ смыслѣ слова, или теорія развитія къ соціализму. Соціализмъ обозначаетъ собою обобществленіе производства на основѣ общественной собственности на орудія производства и уничтоженіе всѣхъ формъ классового господства. Объективное обобществленіе будетъ выполнено, такъ учитъ теорія, благодаря развитію производительныхъ силъ и отношеній производства. Анархическій характеръ конкурентнаго

хозяйства будетъ несовмѣстимъ съ обобществленнымъ производствомъ. Путемъ обнищанія народныхъ массъ и низверженія среднихъ классовъ въ полчища пролетаріата, съ одной стороны, благодаря обученію, которое пролетаріатъ получаетъ въ борьбѣ за существованіе, съ другой, въ этомъ соціальномъ классѣ создается субъективный факторъ, который будетъ побуждать, какъ по необходимости, такъ и благодаря своему собственному сознательному хотѣнію, къ соціализму, вести соціалистическую борьбу. Объективныя тенденціи развитія ручаются за успѣхъ этой борьбы.

„Теорія обнищанія“ была въ первой половинѣ XIX-го столѣтія простымъ констатированіемъ дѣйствительнаго положенія вещей. Развитіе производительныхъ силъ уже тогда било въ глаза при самой большой близорукости. Революціонныя возбужденія въ пролетаріатѣ—отъ элементарныхъ вспышекъ и до коммунистическихъ движеній—были уже въ порядкѣ вещей. Я не вдаюсь совершенно въ то, были ли отдѣльныя тенденціи правильно оцѣнены Марксомъ, такъ сказать, въ ихъ дѣятельности, т. е. было ли безошибочно установлено ихъ специфически соціальное значеніе.

Но что тотчасъ же бросается въ глаза и видоизмѣняетъ реалистическій характеръ всей теоріи развитія въ ея утопическую противоположность,—такъ это именно соціалистическое толкованіе констатированныхъ тенденцій развитія. Въ 40-хъ годахъ, изъ фактически данныхъ предпосылокъ соціальнаго развитія нельзя было реалистически вывести развитіе къ соціализму, какъ его представлялъ себѣ Марксъ. Нельзя забывать того, что соціализмъ знаменовалъ для Маркса безусловно расцвѣтъ культуры. Для своего соціализма онъ требовалъ всѣхъ культурныхъ пріобрѣтеній буржуазіи. Пока прогрессирующее обнищаніе народныхъ массъ было фактомъ, не подлежащимъ спору, и понималось въ качествѣ неизмѣнной имманентной тенденціи господствующаго экономическаго порядка, выступленіе въ жизнь соці-

ализма, принимающаго всѣ культурные успѣхи буржуазнаго общества и развивающаго ихъ далѣе, было совершенно невозможно. Обнищаніе и соціально-политическая зрѣлость рабочаго класса, которая должна была сдѣлать его способнымъ произвести самый величественнѣйшій изъ всѣхъ возможныхъ переворотовъ, просто исключали другъ друга при реалистическомъ изслѣдованіи. Дѣйствительное соціальное развитіе сороковыхъ годовъ вообще не допускало, разъ угнетающія пролетаріатъ тенденціи продолжали неизбѣжно существовать, построеннаго на реалистическомъ основаніи соціальнаго оптимизма. Реалистичною не была ни либеральная апологетика, ни соціализмъ, опирающій свои надежды на „крушеніе“ господствующаго экономическаго порядка. Реалистичнымъ былъ только соціальный пессимизмъ и много что—соціализмъ разложенія, ибо, если крушеніе капитализма и могло неминуемо наступить, то для соціалистическаго строительства оно должно было обозначать дѣйствительный прогрессъ въ общей культурѣ,— не доставало соціальныхъ строителей, стремящагося дѣйствительно впередъ, крѣпнущаго и уже окрѣпшаго для своего историческаго дѣла класса. Чѣмъ угнетеннѣе представляютъ себѣ пролетаріатъ, тѣмъ болѣе отъ него требуютъ—при созданіи новаго общественнаго порядка—и тѣмъ менѣе можно будетъ разумно ожидать отъ него.

Психологическая необходимость—показать историческую неизбѣжность коллективистическаго, экономическаго порядка, принуждала соціалиста Маркса въ сороковыхъ годахъ дедуцировать соціализмъ изъ болѣе, чѣмъ недостаточныхъ предпосылокъ.

Позднѣе, подъ вліяніемъ фактовъ, Марксъ измѣнилъ по самому существу дѣла, кореннымъ образомъ, свои пессимистическія посылки, но нигдѣ не далъ этому сознательнаго и явственнаго выраженія. *). Онъ такъ

*) Достаточно указать на „Inauguraladresse“ 1864 года и на тотъ отдѣлъ „Капитала“, гдѣ Марксъ оцѣниваетъ англійское

и не созналъ кричащаго противорѣчія обнищанія развитію къ соціализму. Это реальное противорѣчіе оправдывалось имъ въ качествѣ стремящагося къ исчезновенію діалектическаго противорѣчія. Въ подобныхъ противорѣчіяхъ онъ видѣлъ—по примѣру Гегеля—прямо таки „руководящее начало“ движенія.

Мы должны, такимъ образомъ, обратиться къ ученію о развитіи черезъ усиленіе противорѣчій и изслѣдовать его въ присущей ему законности.

Возьмемъ два борющихся явленія A и B въ ихъ развитіи. Всякое развитіе въ духѣ усиленія можно по-

---

фабричное законодательство, какъ причину физическаго и моральнаго возрожденія фабричныхъ рабочихъ. Съ другой стороны не менѣе характернымъ является то, что Марксъ говоритъ по поводу своего классическаго непринятія желѣзнаго закона заработной платы (въ примѣчаніяхъ къ Gothaer Programmentwurf, Neue Zeit IX, 1, S. 561ff): „Система поденной платы (есть) система рабства, и такого именно рабства, *которое становится въ такой же мѣрѣ болѣе тяжелымъ, въ какой развиваются общественныя производительныя силы труда, при чемъ безразлично, будетъ ли работникъ получать лучшее или худшее вознагражденіе*“. (Курсивъ мой, 1. с. 571). Совсѣмъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, когда утверждаютъ, будто Марксъ отказался въ своихъ позднѣйшихъ сочиненіяхъ отъ теоріи обнищанія (этотъ взглядъ защищаетъ, напр., Симковичъ въ своей, дошедшей до меня только послѣ окончанія этой работы, статьѣ: „Die Krisis der Socialdemokratie“, Conrads Jahrbücher f. Nationalökonomie, III, Folge 7. Band 6. Heft. S. 147.

Статья содержитъ рядомъ съ ошибочными также и справедливыя мысли и до чрезвычайности изобилуетъ интересными цитатами). Наоборотъ, справедливо какъ разъ противное: *Марксъ изложилъ и обосновалъ научно въ „Капиталѣ“ теорію обнищанія.* Такимъ изложеніемъ и обоснованіемъ является неоспоримо его ученіе объ относительномъ переростѣ населенія или объ индустріальной Reservearmee. Смыслъ этого ученія Марксъ самъ выразилъ въ выше цитированномъ мѣстѣ изъ критики „Gothaer Programmentwurf“. Соотвѣтствующее, равнымъ образомъ недопускающее непониманія мѣсто въ „Капиталѣ“ гласитъ слѣдующее:

„Понятна несостоятельность экономической мудрости, которая проповѣдуетъ рабочимъ приспособленіе ихъ численности

нимать, какъ *умноженіе однороднаго*, именно, *опредѣляющаго конечный результатъ момента*. Если усиленіе противорѣчія на самомъ дѣлѣ начинается, то развитіе борющихся моментовъ нужно представлять себѣ слѣдующимъ образомъ (формула I или формула противорѣчія).

A	B
2A	2B
3A	3B
4A	4B
5A	5B
6A	6B
....	....
nA	nB

Каждое изъ обоихъ явленій A и B растетъ черезъ умноженіе однороднаго. Одновременно и благодаря

къ потребностямъ капитала. Механизмъ капиталистическаго производства и накопленія постоянно приспособляетъ ихъ численность къ этимъ потребностямъ капитала. Первое слово этого приспособленія заключается въ созданіи относительнаго перенаселенія или индустріальной Reservearmee. Послѣднимъ же его словомъ является нищета постоянно увеличивающихся рядовъ активной рабочей арміи и вся тяжесть пауперизма.

Законъ, согласно которому безпрестанно увеличивающееся количество средствъ производства, благодаря прогрессу въ производительности общественнаго труда, можетъ быть осуществляемо при прогрессивно уменьшающейся затратѣ человѣческой силы—этотъ законъ выражается на капиталистической почвѣ, гдѣ не рабочій приспособляетъ орудіе труда, а орудіе труда приспособляетъ рабочаго, въ томъ, что, чѣмъ выше производительная сила труда, тѣмъ больше давленіе рабочаго на орудіе его труда, тѣмъ сомнительнѣе, слѣдовательно, условіе его существованія: продажа собственныхъ силъ для увеличенія чужого богатства или для самоиспользованія капитала. Такимъ образомъ, болѣе быстрый ростъ средствъ производства и производительности труда, чѣмъ ростъ производящаго населенія, капиталистически выражается обратно въ томъ, что рабочее населеніе всегда увеличивается быстрѣе препринимательскихъ потребностей капитала... Въ предѣлахъ капиталистической системы примѣня-

этому росту усиливается противорѣчіе, скажемъ, противоположеніе обоихъ явленій. Если это противоположеніе имѣетъ *реальное* значеніе, то благодаря своему усиленію оно будетъ становиться вся нестерпимѣе и разрѣшится въ концѣ концовъ въ пользу болѣе сильнаго явленія; nA уничтожаетъ nB. Противорѣчіе „исчезнетъ“. Мы устанавливаемъ въ этомъ случаѣ не только параллелизмъ въ ростѣ борющихся явленій, но также взаимодѣйствіе ихъ другъ съ другомъ. А вліяетъ *благодаря своему росту* усиливающимъ образомъ и на B, а потому увеличится должно само противоположеніе.

ются всѣ методы для усиленія общественной производительной силы труда на счетъ отдѣльнаго рабочаго; всякое средство, содѣйствующее развитію производства, превращается въ орудіе господства и эксплуатаціи производителя, калѣчитъ рабочаго, дѣлая изъ него только часть человѣка, лишаетъ достоинства, обращая его въ придатокъ машины, уничтожаетъ содержаніе его труда благодаря мучительности послѣдняго, дѣлаетъ ему чуждыми духовныя стороны трудового процесса; въ равной степени тамъ, гдѣ къ послѣднему присоединяется наука въ качествѣ самостоятельной силы, оно видоизмѣняетъ условія, въ которыхъ онъ работаетъ, подчиняетъ его во время трудового процесса до низости гнусной деспотіи, превращаетъ время его жизни въ трудовое время, отдаетъ его жену и дѣтей въ кабалу капитала. Но всѣ способы, направленные на произведеніе прибавочной стоимости являются одновременно и способами накопленія, а всякое увеличеніе накопленія, обратно, представляетъ средство, споспѣшествующее развитію этихъ способовъ. *Изъ этого слѣдуетъ, что по мѣрѣ накопленія капитала положеніе рабочаго, одинаково будетъ ли его вознагражденіе низко или высоко, должно ухудшаться.* Наконецъ, законъ постоянно уравновѣшивающій относительное перенаселеніе или индустріальную Reservearmee съ величиною и энергіей накопленія, приковываетъ рабочаго къ капиталу крѣпче, чѣмъ былъ прикованъ Прометей къ скалѣ ударами молота Гефеста. Онъ обусловливаетъ накопленіе капитала соотвѣтственно накопленію нищеты. Накопленіе богатства на одномъ полюсѣ есть, такимъ образомъ, одновременно и накопленіе нищеты, трудовыхъ мученій, рабства, невѣжества, огрубенія и моральной деградаціи на противоположномъ, т. е. у класса, который производитъ свой собственный продуктъ въ качествѣ капитала“. (Курсивъ мой, Der Kapital I³, 662—664).

Но мы можемъ себѣ представить въ соціальной дѣйствительности совсѣмъ другое состояніе (формула II).

A	B
2A	2B
3A	3B
4A	2B
5A	B
6A	ни одного B

Здѣсь развитіе проходитъ иначе. Въ случаѣ взаимодѣйствія между A и B - A вліяетъ усиливающимъ образомъ на B благодаря своему росту только до извѣстной степени; въ извѣстный моментъ B не только не усиливается благодаря росту A, но, наоборотъ, уменьшается. Вмѣстѣ съ тѣмъ противоположеніе ослабляется. Въ концѣ концовъ противоположеніе исчезаетъ, благодаря „притупленію".

Въ обоихъ примѣрахъ, которые чрезвычайно схематичны, устанавливается повсюду—кончая уничтоженіемъ противорѣчія благодаря побѣдѣ сильнаго момента—количественное взаимодѣйствіе.

Противоположеніе между A и B, однако же, можетъ быть уничтожено не только прогрессирующимъ усиленіемъ, въ противномъ случаѣ, ослабленіемъ одного или другого момента: оно можетъ быть уничтожено качественнымъ взаимодѣйствіемъ. Оба противополагающіяся явленія могутъ взаимно притуплять другъ друга, приспособляться другъ къ другу и при этомъ и благодаря этому измѣняться существеннымъ образомъ, именно качественно. Только прямо таки баснословная догма—употребляя выраженіе Маркса—позволяетъ разсматривать соціальное развитіе въ его главныхъ направленіяхъ исключительно по формулѣ I.

Разсмотрѣніе формулы противорѣчія возбуждаетъ особенный интересъ, если его поставить въ связь съ идеей матеріалистическаго пониманія исторіи. Эта основная идея заключается въ томъ, что „форма производства

матеріальной жизни обусловливаетъ соціальный, политическій и духовный процесъ жизни вообще.... На опредѣленной ступени своего развитія матеріальныя производительныя силы общества становятся въ противорѣчіе къ существующимъ отношеніямъ производства или, слѣдуя узко юридической точкѣ зрѣнія, къ отношеніямъ собственности, внутри которыхъ онѣ до сихъ поръ обращались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія становятся ихъ цѣпями. Тогда наступаетъ эпоха соціальной революціи. Съ измѣненіемъ экономическаго основанія во всей огромной постройкѣ (sc. правовыхъ и политическихъ учрежденій, которымъ соотвѣтствуютъ опредѣленныя формы общественнаго сознанія П. С.).... происходитъ болѣе быстрый или болѣе медленный переворотъ. Общественная формація никогда не прекращается, пока не развиты всѣ производительныя силы, которыхъ вполнѣ достаточно для нея, и новыя, болѣе высокія отношенія производства никогда не встанутъ на ихъ мѣсто, прежде чѣмъ матеріальныя условія существованія этихъ новыхъ отношеній не зародятся на счетъ самого стараго общества". (Zur Kritik der politischen Oekonomie. Vorwort). Здѣсь явственно высказана идея постоянно *приспособляющагося* къ хозяйству *существованія* права и политическихъ учрежденій, какъ *нормальной формы ихъ совокупнаго бытія*. Расхожденіе правовыхъ и экономическихъ отношеній представляетъ противорѣчіе. Оно принуждаетъ приспособлять право къ хозяйству. Марксъ указываетъ на противорѣчіе между производительными силами и отношеніями производства (отношеніями собственности), какъ на кардинальное противорѣчіе. Приспособленіе отношеній производства къ производительнымъ силамъ составляетъ содержаніе соціальной революціи. На протяженіи всего цитированнаго отрывка изъ Маркса содержится та неясность, что матеріальныя производительныя силы, съ одной стороны, отношенія производства, съ другой, ничего не представляя собою

въ качествѣ отвлеченныхъ общихъ выраженій конкретныхъ экономическихъ, также правовыхъ отношеній, превращаются въ самостоятельныя своеобразныя сущности или „вещи“. Только поэтому и можно представлять ихъ enbloc другъ къ другу приспосабливающимися и, обратно, противорѣчащими, а соціальную революцію разсматривать, какъ коллизію между двумя сущностями (однократную или болѣе менѣе длительную—это не существенно). Ясно, что общественное развитіе можно понимать также и какъ непрерывный процессъ многократныхъ коллизій и приспособленій. Марксъ присягнулъ, повидимому, одновременно обоимъ воззрѣніямъ на соціальную революцію, не сознавая ихъ несоединимости. Спеціально Марксъ представлялъ себѣ соціалистическую революцію какъ величественный конфликтъ хозяйства и права, который необходимо долженъ достигнуть своего кульминаціоннаго пункта въ опредѣленномъ событіи—„соціальной революціи“ въ собственномъ смыслѣ слова. Такимъ образомъ, въ марксовской теоріи соціальнаго развитія все вращается около отношенія, скажемъ, борьбы между хозяйствомъ и правомъ. Хозяйство Марксъ считалъ причиною, право—дѣйствіемъ ея. Но Штаммлеромъ старательно установлено, что *хозяйство* и *право* не могутъ логически быть мыслимы находящимися другъ съ другомъ въ отношеніи причиняющаго и причиненнаго. Для ихъ отношенія подходитъ, скорѣе, отношеніе содержанія и формы („упорядоченной матеріи“ и „обусловливающей формы“, хозяйства и права. S. 232 *).

Эти разсужденія, безъ сомнѣнія, правильны. То, что называютъ вообще хозяйствомъ и правомъ, совер-

*) „Неправильно разсматривать отношеніе правоваго регулированія къ соціальному хозяйству, какъ отношеніе *причиннаго дѣйствованія* и устанавливать на него точку зрѣнія причины и дѣйствія, такъ какъ это предполагало бы, что обѣ области, право и хозяйство, существуютъ, какъ два самостоятельныхъ, другъ другу противополагающихся объекта, тогда какъ этого на самомъ

шенно немыслимо въ дѣйствительности одно безъ другого—для хозяйства, какъ его понимаетъ обычное словоупотребленіе, а также Штаммлеръ, правовые моменты не только существенны, но абсолютно наисуще-

---

дѣлѣ нѣтъ; для соціальнаго изслѣдованія онѣ представляютъ только два необходимо сочетанные элемента одного и того же предмета.

Право не является такой самостоятельно существующей вещью, которая бы противостояла въ самостоятельности совокупной соціальной жизни и вліяла опредѣленнымъ образомъ на нее, но въ каждомъ правовомъ установленіи заключается всегда и необходимо регулированіе подчиняющагося соціальнаго хозяйства. Не существуетъ такого законоположенія, которое не содержало бы въ качествѣ собственнаго содержанія опредѣленнаго порядка совокупной соціальной жизни человѣческой. Право не является тѣмъ платьемъ, которое надѣваютъ, или тѣмъ домомъ, въ который входятъ для того, чтобы жить въ немъ или снова покинуть. Само по себѣ право означаетъ только свойство опредѣленныхъ человѣческихъ предписаній (позднѣе опредѣляемое еще въ частности), которыя направляются... на упорядоченіе соціальнаго хозяйства; въ такомъ случаѣ тоже самое сознаютъ и эти повелѣвающія нормы въ ихъ общемъ понятіи. Но все это остается совершенно пусто и безсмысленно, когда хотятъ считать право особенною вещью, которая присоединяется внѣшнимъ образомъ къ соціальному хозяйству, существующему тоже самостоятельно, и вліяетъ на него въ качествѣ причины; правовыя предписанія имѣютъ смыслъ и содержаніе только въ своемъ упорядочивающемъ отношеніи къ человѣческому сотрудничеству, благодаря имъ возможному въ общественной формѣ.

Каждая правовая норма содержитъ, такимъ образомъ, совершенно самостоятельно внутреннимъ образомъ опредѣленный порядокъ совокупной человѣческой жизни. Всѣ же вмѣстѣ, во временномъ единствѣ опредѣленнаго правоваго круга, онѣ составляютъ совокупный порядокъ соціальнаго хозяйства. Но онѣ не ведутъ замкнутаго въ себѣ существованія и вліяютъ, поэтому, на соотвѣтствующее соціальное хозяйство.

Этимъ не нарушается категорія причинности. Правовыя установленія составляютъ скорѣе *формальную* сторону общаго предмета общественно научнаго изслѣдованія *соціальной жизни*, и для такого изслѣдованія всегда даны только во внутреннемъ соединеніи съ упорядоченной ими матеріей, подлежащимъ имъ человѣческимъ сотрудничествомъ“ (Stammler, ibidem, 229—230).

ственнѣйшіе. Однако же, стремленіе Штаммлера втиснуть въ формулу „обусловливающей формы“ и „упорядоченной матеріи“ до чрезвычайности неоднородно образованное отношеніе отдѣльныхъ экономическихъ моментовъ къ отдѣльнымъ правовымъ ошибочно. Понятіе хозяйства, (экономическій порядокъ отношенія производства) къ сожалѣнію, совершенно не покрывается тѣмъ, что мы считаемъ „хозяйственнымъ“ въ отдѣльныхъ соціальныхъ феноменахъ. „Хозяйство“ есть, напр., капиталистическій порядокъ хозяйства; но степень производительныхъ силъ, свойственная этому порядку, можетъ быть мыслима также и при соціалистическомъ хозяйственномъ порядкѣ. И эта степень, показывающая, какъ много производится, представляетъ хозяйственный и, можетъ быть, *самый важный хозяйственный* фактъ. Экономическіе факты допускаютъ правовое или какое либо другое узаконеніе,—но то, что они вообще узаконены и какъ они узаконены, это можетъ быть при этомъ для нихъ, какъ для экономическихъ фономеновъ, не только въ отвлеченіи, но также и реально, не существенно. Но это значитъ: экономическое въ соціальныхъ явленіяхъ находитъ въ большинствѣ случаевъ, правда, правовой порядокъ, но ведетъ при этомъ также и свое самостоятельное существованіе. Такъ, напр., современныя отношенія заработной платы предполагаютъ опредѣленный правовой порядокъ, такъ сказать, заключаютъ его въ себѣ; но для экономической стороны этихъ отношеній величайшую важность представляетъ, напр., высота заработной платы, которая для правовой стороны не имѣетъ значенія. Экономическая и правовая стороны могутъ проявляться въ разнообразнѣйшихъ ихъ взаимное отношеніе опредѣляющихъ комбинаціяхъ на соціальныхъ феноменахъ. Сочетаніе категорій, „содержаніе—форма“ есть только недостаточная поддержка заключить это разнообразное отношеніе въ формулу. Но эта формула становится рѣшительно ошибочной, когда Штаммлеръ заставляетъ ее отрицать генетически

причинное отношеніе между отдѣльными экономическими и отдѣльными правовыми явленіями и считать невозможными общественные акты хозяйственнаго порядка независимо отъ условія правового порядка. Изъ того, что хозяйство, какъ цѣлое, не можетъ вліять на право, какъ цѣлое, слѣдуетъ поэтому то, что оба общія понятія устанавливаютъ одинъ и тотъ же реальный субстратъ: въ хозяйствѣ содержится уже право и vice versa. Желаніе всѣ соціально-экономическія поступки и явленія разсматривать, какъ урегулированные юридически, значитъ распространить безъ мѣры понятіе правового элемента. Соціально-экономическія явленія и акты могутъ—съ точки зрѣнія права—быть совершенно индифферентными; они могутъ быть и прямо таки противозаконными (напр., стачка въ Россіи, трестъ въ Сѣверной Америкѣ) и, все же, обладать большимъ соціальнымъ значеніемъ. При соціальныхъ явленіяхъ, которыя можно взять въ качествѣ экономическихъ, дѣло *не всегда* идетъ о соціально узаконенныхъ отношеніяхъ. Штаммлеровское опредѣленіе: „экономическое явленіе есть однообразное массовое проявленіе правовыхъ отношеній“ (1. c. § 264) ложно. Экономическимъ феноменомъ можетъ быть и массовое проявленіе правовыхъ нарушеній; но самое важное въ немъ экономически, т. е. то, что его и дѣлаетъ собственно экономическимъ феноменомъ, вообще можетъ имѣть такое содержаніе, для котораго правовыя отношенія сами по себѣ лишены значенія. То, что я не имѣю хлѣба, не устанавливаетъ—оставляя въ сторонѣ право на помощь бѣднымъ—никакого правоваго отношенія между мною и моими согражданами. Тамъ же, гдѣ безхлѣбица представляетъ массовое явленіе, мы говоримъ объ экономическомъ феноменѣ безработицы, скажемъ, перенаселенія. Нельзя возражать на это тѣмъ, что при другомъ общественномъ устройствѣ соотвѣтствующее цѣлямъ правовое узаконеніе исключило бы возможность экономиче-

Библиотека ООН

скаго явленія безработицы *). Это показываетъ только то, что этотъ экономическій феноменъ зависитъ отъ общаго даннаго экономическаго, также правоваго порядка, но это не дѣлаетъ его тѣмъ, чего не существуетъ въ данномъ случаѣ, правовымъ отношеніемъ, если только этому сочетанію словъ присущь вообще какой-либо точный смыслъ. Взглядъ, будто экономическія явленія—согласно ихъ понятію—суть правовыя отношенія, приводитъ Штаммлера также къ тому, что онъ строго отличаетъ разыгрывающіяся внутри опредѣленнаго общественнаго порядка событія отъ стремленій, направленныхъ на измѣненіе существующаго правового порядка **). Какъ будто стремленія послѣдняго рода не могутъ про-

*) Большою заслугою Мальтуса является то, что онъ разъяснилъ, что могутъ существовать и существуютъ такія состоянія перенаселенія, которыя *реально* независимы отъ временнаго правового порядка или нормировки соціальной жизни въ смыслѣ распредѣленія всего общественнаго продукта, т. е. въ смыслѣ также и марксовскихъ „отношеній производства". Такое перенаселеніе зависитъ отъ недостаточнаго развитія общественно-производительныхъ силъ и можетъ быть обозначено съ правомъ какъ *абсолютное*. То, что такое перенаселеніе независимо не только отъ „правового отношенія" вообще, но и отъ каждаго правового узаконенія,—заключается въ его понятіи. То обстоятельство, что на почвѣ такого „абсолютнаго" перенаселенія могутъ и должны развиться опредѣленныя, „соціальныя" въ узкомъ смыслѣ слова, т. е. обусловленныя правовымъ порядкомъ, отношенія, не лишаетъ перенаселеніе нисколько его въ вышеуказанномъ смыслѣ абсолютнаго характера. Хоть Марксъ и опровергнулъ мальтусовское ученіе, какъ теорію нищеты въ капиталистическомъ обществѣ, блестящимъ образомъ, важную формулированную соціологически мысль этого ученія онъ просто напросто обошелъ. Насколько важна, однако, эта мысль для опирающейся на экономическую исторію новѣйшей соціологіи, показываетъ то обстоятельство, что на нее все болѣе и болѣе опираются—и не безуспѣшно (я назову только Рихарда Гильдебранда, Максима Ковалевскаго и Ахилеса Лоріа).

**) „Отъ тѣхъ стремленій, которыя направляются на *поднятіе и усиленіе соціально упорядоченнаго производства*... должно отдѣлять явственно такія стремленія, которыя направлены на *измѣненіе существующаго правового порядка*. Первыя обнаружи-

являться въ явленіяхъ перваго рода, и какъ будто бы экономическіе феномены не могутъ также итти и противъ существующаго соціальнаго порядка? Если мы сравнимъ теперь марксовскую теорію соціальнаго развитія со штаммлеровской, то мы увидимъ, что Штаммлеръ отвлеченно отрицаетъ борьбу экономическихъ явленій и правовыхъ условій внутри опредѣленнаго общественнаго порядка и принимаетъ только борьбу всего общественнаго строя съ направленными противъ него стремленіями, Марксъ же, наоборотъ, допускаетъ существованіе отвергнутаго Шаммлеромъ перваго рода борьбы и дѣлаетъ послѣднюю реальнымъ основаніемъ для борьбы между даннымъ экономическимъ порядкомъ и въ основаніи противъ него направленными соціальными стремленіями. Впрочемъ, различіе этихъ двухъ воззрѣній—по существу дѣла—не такъ велико, какъ оно можетъ казаться благодаря своей абстрактной, изложенной въ понятіяхъ, формѣ: ибо и по мнѣнію Штаммлера направленныя противъ существующаго общественнаго порядка стремленія выростаютъ „изъ дан-

ваются внутри опредѣленнаго соціальнаго порядка, имѣютъ своимъ необходимымъ условіемъ стремленія второго рода и представляютъ конкретное ихъ выраженіе—матерію, упорядоченную упорядочивающей формою. Они создаютъ и развиваютъ различныя соціально-экономическія явленія, въ опредѣленномъ преслѣдованіи и выясненіи которыхъ можно видѣть только то, что можно обозначить, какъ „имманентные законы“ опредѣленной формы производства. При этомъ нужно, слѣдовательно, особенное вниманіе обратить на необходимыя конкретныя причины и дѣйствительно побудительныя причины отдѣльныхъ производящихъ поступки индивидуумовъ, принимая въ соображеніе ихъ эмпирическое соціальное положеніе. Тогда можно будетъ узрѣть, какъ было замѣчено раньше, сравнительно явственныя тенденціи происходящаго развитія соціально-экономическихъ явленій. Но повсюду это все протекаетъ въ рамкахъ законнаго правового порядка. Только при такомъ условіи все наблюдаемое является соціально существующимъ, и преслѣдованіе этого рода соціальнаго движенія никогда (sic!) не приводитъ къ измѣненію правового порядка, какъ обусловливающей формы этой соотвѣтствующей ей соціальной жизни (l. c. 415).

ныхъ соціальныхъ отношеній". Во всякомъ случаѣ для Марксовской теоріи, тѣмъ не менѣе, характерно принятіе усиленія противорѣчія между экономическими явленіями и правовыми нормами. Для обоихъ,—какъ для Маркса, такъ и для Штаммлера—одинаково отличительно установленіе понятія соціальной революціи. У Штаммлера это понятіе получаетъ *болѣе строгое* выраженіе, чѣмъ у Маркса, ибо Штаммлеръ носителями революціи считаетъ не „экономическіе феномены" или „производительныя силы", а направленныя непосредственно на измѣненіе соціальнаго порядка стремленія и движенія. Противъ Маркса и его формулы противорѣчія мы можемъ сказать, что борьба отдѣльныхъ конкретныхъ экономическихъ явленій съ отдѣльными правовыми условіями—согласно основному взгляду „историческаго матеріализма"—необходимо добивается исчезновенія этой борьбы. Взглядъ же, что правовой порядокъ, какъ цѣлое, не соотвѣтствуетъ соціальному хозяйству, какъ цѣлому, нереалистиченъ: правовой порядокъ и соціальное хозяйство—абстрактныя понятія, а вовсе не реальныя сущности или отношенія. Остается еще только представленіе, будто развитіе общества во всѣхъ точкахъ соціальной жизни обнаруживаетъ одновременно нестерпимыя противорѣчія, которыя какимъ то образомъ—всѣ вмѣстѣ сразу—устраняются. Это представленіе совершенно однообразнаго и однотипнаго развитія всѣхъ соціальныхъ явленій настолько же мало находитъ эмпирическое основаніе, настолько и вышеуказанное превращеніе хозяйства и права въ самостоятельныя своеобразныя субстанціи. Такимъ образомъ, система соціальнаго развитія въ марксовской теоріи разложена насколько только возможно прямолинейно на „критическія" и „органическія" эпохи: для критической устанавливается противорѣчіе, для органической—гармонія между хозяйствомъ и правомъ. Въ противоположность этому слѣдуетъ всегда оттѣнять, что 1) реально, а слѣдовательно, и дѣйствительно вліяющими являются

только отдѣльные экономическіе и правовые феномены, какъ массовыя явленія, что, слѣдовательно, право и хозяйство въ дѣйствительности существуютъ только въ этихъ фактахъ, и 2) что предположеніе о томъ, будто эти отдѣльные феномены могутъ всѣ одновременно протекать по одной однообразной формулѣ, пробуждается только благодаря преждевременно усвояющему такое представленіе пониманію ихъ, какъ „хозяйства“, съ одной стороны, „права“—съ другой.

Въ дѣйствительномъ обществѣ не существуетъ никакого абсолютнаго противоборства и никакой абсолютной гармоніи между правомъ и хозяйствомъ, но безпрестанныя частичныя коллизіи и приспособленія хозяйственной и правовой сторонъ другъ къ другу. Въ нихъ и чрезъ нихъ совершается перестройка общества. Что касается отношенія экономическихъ явленій и регулирующихъ ихъ правовыхъ нормъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ фактѣ, что первымъ изъ нихъ генетически принадлежитъ первенство. Въ этомъ виновато основное различіе между правомъ и урегулированной имъ „матеріей“: въ то время какъ послѣдняя можетъ прекрасно существовать и имѣть опредѣленное соціальное значеніе и безъ правового урегулированія первое безъ „матеріи“ (будетъ ли эта матерія экономическаго порядка или какого-либо другого—это не существенно) имѣетъ только бумажное существованіе. Нерѣдко существуетъ бумажное или, что въ сущности тождественно, писанное право, о бумажномъ же или писанномъ хозяйствѣ еще никто ничего не слыхалъ. Опредѣляющія хозяйство правовыя нормы возникаютъ и существуютъ ради получающей отъ нихъ содѣйствіе экономической цѣли, которая служитъ мотивомъ, а, слѣдовательно, причиною установленія такихъ нормъ. Утверждая это и выводя отсюда приспособленіе и стремленіе права приспособляться къ хозяйству, матеріалистическое пониманіе исторіи показываетъ простую, но великую истину.

Исповѣдываемый мною взглядъ исключаетъ, какъ марксовское, такъ и штаммлеровское понятіе „соціальной революціи“. Приспособленіе права къ соціальному хозяйству не прекращается ни на минуту, и развитіе экономическихъ явленій начинается не только въ рамкахъ временнаго общественнаго порядка, но представляетъ также тотъ элементъ, который преобразуетъ и увеличиваетъ эти рамки. Вовсе нѣтъ—какъ полагаетъ Штаммлеръ—двухъ качественно различныхъ формъ соціальнаго движенія—движенія внутри опредѣленнаго общественнаго порядка и движенія, направленнаго на преобразованіе и разрушеніе временнаго общественнаго порядка,—существуетъ только одна форма соціальнаго движенія, именно приспособленіе правовыхъ нормъ къ соціально-экономическимъ явленіямъ, въ зависимости отъ которыхъ развиваются и осуществляются также и многочисленныя соціальныя стремленія.

Въ марксистской литературѣ все больше и больше обнаруживается стремленіе установить точное понятіе соціальной революціи въ противоположность понятію соціальной реформы. Штаммлеръ тоже—какъ мы уже видѣли—усвоилъ это стремленіе и реализировалъ его своеобразнымъ путемъ. Но такое стремленіе—поскольку дѣло идетъ о теоретическомъ познаніи, т. е. о причинно-генетическомъ объясненіи — совершенно ошибочно.

Понятіе соціальной революціи, какъ теоретическое понятіе, не только лишено значенія и безцѣльно, но прямо-таки ложно. Если „соціальная революція“ должна обозначать полный переворотъ соціальнаго порядка, то она не можетъ быть въ наше время мыслима иначе, какъ въ формѣ продолжительнаго, непрерывнаго процесса соціальныхъ преобразованій. Если политическая революція и можетъ быть заключительнымъ звеномъ этого развитія, то элементъ переворота ни самомалѣйшимъ образомъ не зависитъ отъ такого результата и

можетъ быть мыслимъ прекрасно безъ него. Для марксовской теоріи увеличивающагося противорѣчія между *правомъ* и *хозяйствомъ* была, конечно, логически необходима уничтожающая противорѣчіе революція. Для того же, кто отрицаетъ формулу противорѣчія въ такомъ общемъ значеніи, соціальная революція есть только другое имя для соціальной эволюціи и ея результатовъ, а вовсе не новое понятіе.

„Діалектическое" пониманіе ведетъ необходимо къ тому, что соціальное преобразованіе мыслится въ формѣ много болѣе простого процесса политической революціи. Этотъ образъ мышленія теперь уже безусловно грубъ и неосновательнъ: соціальный переворотъ отвлеченно является до чрезвычайности сложнымъ процессомъ развитія, и чѣмъ больше содержанія приписываемъ мы этому процессу, тѣмъ труднѣе становится мыслить его какъ „революцію". Или—чѣмъ грандіознѣе переворотъ, тѣмъ менѣе можетъ онъ быть исчерпанъ отдѣльными революціонными актами. Дѣйствительный соціальный переворотъ предполагаетъ и содержитъ гораздо болѣе, чѣмъ отдѣльные революціонные или реформаторскіе законодательные акты временно обладающихъ „политическимъ могуществомъ" факторовъ. Если мы будемъ мыслить подъ соціальной революціей полный переворотъ общественнаго порядка, то мы можемъ отношеніе подобной революціи къ политической, къ „революціи" формулировать слѣдующимъ образомъ: чѣмъ революціоннѣе соціальное преобразованіе, тѣмъ менѣе можетъ быть оно „революціоннымъ". Сложность и богатство *содержаніемъ* исключаетъ простоту *метода*.

Вовсе не случайность, что Марксъ—какъ то показываетъ съ тонкимъ историческимъ пониманіемъ Бернштейнъ (Die Voraussetzungen des Socialismus und die Aufgaben der Socialdemokratie, S. 27—37) заимствовалъ элементы бакунизма и бланкизма. Если соціальное развитіе протекаетъ по формулѣ усиленія проти-

воположенія, то представлять „соціальную революцію“ въ формѣ процесса политической революціи—какъ указывалось уже, только послѣдовательно. Поэтому, обычное словоупотребленіе, именуя однимъ и тѣмъ же словомъ по своему содержанію различныя вещи, ошибочно. Но такое ошибочное словоупотребленіе является, конечно, простымъ слѣдствіемъ ошибочнаго воззрѣнія на вещи.

Мы уже говорили, что вышеуказанная формула I, въ которой, какъ мы думаемъ, мы имѣемъ соотвѣтствующее содержанію выраженіе для „усиленія противорѣчій“, не можетъ имѣть никакой претензіи на эмпирическую общезаконность. Всѣ направленія соціальнаго развитія въ дѣйствительности протекаютъ совсѣмъ иначе*). Слѣдовательно, мы вправѣ считать теченіе событій черезъ увеличеніе противоположенія относительно рѣдкимъ случаемъ. Это слѣдуетъ изъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія его. Взаимодѣйствіе противоборствующихъ моментовъ въ случаѣ формулы I—согласно предположенію—можетъ быть понимаемо только въ смыслѣ потенціированія противоположенія. Согласимся, что занимающія насъ явленія A и B являются двумя противоборствующими стремленіями противоположныхъ соціальныхъ группъ. Не будетъ ли ихъ взаимовліяніе другъ на друга кульминировать въ прогрессирующемъ ослабленіи стремленія *болѣе слабой* соціальной группы чаще, чѣмъ въ потенціированіи взаимныхъ противорѣчій? Всякая конкретная соціальная борьба даетъ намъ объ этомъ свѣдѣнія. *Соціальная побѣда достигается гораздо чаще постепеннымъ ослабленіемъ противоположностей, чѣмъ революціоннымъ подъемомъ потенціированныхъ противорѣчій.* Мы не въ состояніи постулировать для соціальнаго развитія во всемъ его

*) Я совершенно отвлекаюсь отъ того, что существуетъ много общественныхъ процессовъ, при которыхъ вообще не можетъ быть рѣчи объ игрѣ противоположностей.

объемѣ такой законъ, который обыкновенно *не* соотвѣтствовалъ бы эмпирическому образованію тѣхъ явленій, которыя мы можемъ въ дѣйствительности обозрѣть и дѣйствительно познать въ ихъ причинныхъ связяхъ, ибо развитіе во всемъ его объемѣ является при этомъ отвлеченнымъ выраженіемъ отдѣльныхъ явленій въ ихъ послѣдовательности и взаимодѣйствіи.

Мнѣ хочется пояснить эту мысль на двухъ примѣрахъ. Положимъ, въ теченіи развитія индустріи возникаетъ практически—экономическое рабочее движеніе. Сдѣлано распоряженіе, наистрожайшее приказаніе, запрещающее стачки и союзы. Репрессія, а слѣдовательно и ей противоположное состояніе, растутъ. Въ дальнѣйшемъ ходѣ вещей рабочее движеніе перерастаетъ репрессію, оружіе послѣдней притупляется, и направленные противъ рабочаго движенія законы въ концѣ концовъ отмѣняются. Здѣсь мы можемъ видѣть постепенное слѣдованіе роста взаимопротиворѣчій, или противоположеній, затѣмъ ихъ ослабленія и, наконецъ, побѣду одной изъ сторонъ.

Другой примѣръ такого же рода представляетъ исторія соціалистическаго закона. Реакція господствующихъ классовъ и ихъ правленія противъ развивающагося рабочаго движенія была ослаблена постепенно этимъ закономъ, какъ въ своемъ проведеніи, такъ и въ своемъ вліяніи на растущее могущество движенія и должна была въ концѣ концовъ быть оставлена, какъ безполезное, притупившееся орудіе. Было ли здѣсь увеличеніе или, наоборотъ, ослабленіе противоположностей?

Мы должны еще разъ особенно отмѣтить, что признавъ однажды общезаконность діалектическаго закона развитія, „матеріалистическое пониманіе исторіи“, какъ ученіе о постоянно совершающемся приспособленіи права къ хозяйству, теряетъ большую часть своего значенія, она служитъ тогда только средствомъ объясненія „соціальной революціи“ и непримѣнимо уже болѣе совсѣмъ къ детальной разработкѣ соціальной эволюціи.

До сихъ поръ обыкновенно проходили почти безъ вниманія мимо этого важнаго послѣдствія такъ называемой діалектической теоріи крушеній; нужно показать это послѣдствіе въ ясномъ свѣтѣ, чѣмъ и будетъ просто указана совершенная ненаучность этой теоріи.

Сравнимъ съ неосновательной, на діалектикѣ построенной теоріей крушеній*) одно извѣстное вышецитированное мѣсто изъ „Zur Kritik“. Марксъ придерживается—при всей теоретической неясности, которая только прикрыта образными выраженіями—того единственно реалистическаго представленія, что все зданіе правовыхъ или политическихъ учрежденій измѣняется „съ перемѣною экономическаго основанія“. Согласно же новѣйшему варіанту марксистской теоріи соціальной революціи это значитъ: все правовое и политическое зданіе капиталистическаго общества измѣняется при перемѣнѣ экономическаго основанія какъ разъ въ противоположномъ направленіи. Соціальная жизнь разлагается этою теоріей крушеній съ большимъ произволомъ на большее или меньшее количество отвлеченныхъ сегментовъ, взаимодѣйствіе которыхъ исчерпывается усиленіемъ ихъ противоположеній. Здѣсь хозяйство—тамъ право. Первое становится все капиталистичнѣе, второе—все соціалистичнѣе. Какъ это бываетъ съ внутренно и отвлеченно неясными конструкціями, неясности прикрываются образными выраженіями и мнимо уничтожаются. Но это, тѣмъ не менѣе, только такъ кажется. То, что по примѣру Маркса слѣдуетъ называть отношеніями производства, заключаетъ уже въ себѣ отвлеченно и исторически правовое упорядоченіе отношеній собственности**).

*) Въ качествѣ образчика можетъ служить сочиненіе докт. Розы Люксембургъ: Socialreform oder Revolution. Leipzig. 1899.

**) Ср. вышецитированное мѣсто предисловія изъ „Zur Kritik“, гдѣ отношенія собственности объяснены, какъ юридическое выраженіе отношеній производства, и изъ другихъ сочиненій Маркса, особенно предпослѣднюю (51) главу III-го тома „Капитала“ (III. 2, 413—421).

Только изъ за одного этого уже нельзя съ точки зрѣнія Маркса сказать что-либо логическимъ путемъ относительно противорѣчиваго развитія отношеній производства и правового порядка. Но еще гораздо важнѣе то, что признаніе подобнаго развитія фактически и безусловно исключаетъ всякое реалистически продуманное воздѣйствіе экономическихъ явленій на правовой порядокъ. Ибо будемъ разсуждать: отношеніе производства, становясь все соціалистичнѣе, производятъ борьбу классовъ, классовая борьба—соціальную реформу, послѣдній же обостряетъ капиталистическій характеръ общества. Слѣдовательно,—становящіяся все болѣе и болѣе соціалистическими отношенія производства порождаютъ все болѣе и болѣе капиталистическій правовой порядокъ. Воздѣйствіе экономіи на право вовсе не только не порождаетъ взаимнаго приспособленія; оно все болѣе и болѣе усиливаетъ противорѣчіе обоихъ. Это не только очевидная безсмыслица съ точекъ зрѣнія логической и эмпирической, но также полный отказъ отъ матеріалистическаго пониманія исторіи. Я вовсе не хочу упрекнуть новѣйшихъ „революціонныхъ“ теоретиковъ марксизма въ томъ, что они просто не поняли своего учителя. Напротивъ того: своею ложною теоріей они обязаны той послѣдовательности, съ какою они выдвинули формулу усиленія противоположностей въ духѣ Маркса, въ качествѣ общезаконной формулы для хода соціальныхъ переворотовъ. Послѣдовательности—все наше признаніе! Если же здѣсь есть противорѣчіе, то это противорѣчіе марксовскаго понятія соціальной революціи матеріалистическому пониманію исторіи. Новѣйшая марксистская ортодоксія обрекла просто это послѣднее на смерть въ пользу перваго.

Маркъ не дѣлалъ этого такъ открыто. Во время его жизни развитіе капиталистическаго общества еще не обнаружило ту проблему, въ которой необходимо должно было сказаться обсуждаемое противорѣчіе. Марксъ могъ соединить для нашего времени невозмож-

нымъ образомъ два противорѣчія: эволюціонизмъ и революціонизмъ другъ съ другомъ. Онъ часто совѣтовался съ фактами, не задаваясь, впрочемъ, вопросомъ о смыслѣ ихъ относительно всей своей теоріи. Такъ, въ качествѣ автора „Капитала", Марксъ далъ такую оцѣнку значенія фабричнаго законодательства, которая совершенно не могла быть соединена съ теоріей обнищанія, изложенной въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ большою прямолинейностью. Что при этомъ онъ посовѣтовался съ фактами, показываетъ сравненіе разсужденій Маркса о десятичасовомъ биллѣ и т. п. въ „Капиталѣ" съ разборомъ ихъ въ статьѣ Энгельса въ журналѣ „Neue Rheinische Zeitung", при чемъ разборъ этотъ безъ сомнѣнія соотвѣтствовалъ и тогдашней точкѣ зрѣнія Маркса. Въ виду того, что эта статья мало извѣстна я хочу изъ нея сдѣлать нѣсколько характерныхъ цитатъ.

„Разъ десятичасовый билль былъ защищаемъ главнымъ образомъ реакціонерами и былъ проводимъ исключительно реакціонными классами, мы заключаемъ..., что онъ въ той формѣ, въ какой его проводили, былъ безусловно реакціонной мѣрой. Все общественное развитіе Англіи связано съ развитіемъ, прогрессомъ индустріи. Всѣ учрежденія, препятствующія этому прогрессу, которыя его ограничиваютъ или стремятся управлять и господствовать согласно лежащимъ внѣ его маштабамъ, реакціонны, непріемлемы и должны быть имъ побѣждены. Революціонная сила, которая такъ просто справилась со всѣмъ патріархальнымъ обществомъ старой Англіи, съ аристократіей и финансовой буржуазіей, не должна, безъ сомнѣнія, поддаваться на удочку умѣреннаго десятичасоваго билля.... Рабочіе видѣли на кратковременной жизненности билля, на его легкомъ уничтоженіи,—простого судебнаго рѣшенія, даже не парламентскаго акта, было достаточно для его отмѣны—на позднѣйшей измѣнѣ ему его прежнихъ реакціонныхъ союзниковъ, какую цѣну имѣетъ союзъ съ ре-

акціей. *Они видѣли, какъ мало пользы имъ отъ выполненія отдѣльныхъ детальныхъ мѣръ противъ индустріальной буржуазіи....* *) Они видѣли, что индустріальная буржуазія прежде всего еще классъ, который только въ настоящій моментъ въ силахъ стоять во главѣ движенія, что было бы напрасно работать противъ этой его прогрессивной миссіи. Несмотря на свою прямую и никогда незасыпавшую вражду къ промышленникамъ рабочіе, поэтому, теперь гораздо болѣе склонны поддержать ихъ въ ихъ агитаціи за полное установленіе свободы торговли, за финансовую реформу и распространеніе избирательнаго права, чѣмъ снова допустить себя переманить благодаря филантропическимъ представленіямъ подъ знамя соединенныхъ реакціонеровъ. Они чувствуютъ, что ихъ время можетъ придти только тогда, когда промышленникамъ придетъ конецъ и, поэтому, они должны споспѣшествовать справедливому инстинкту, процессу развитія, который долженъ дать промышленникамъ господство и вмѣстѣ подготовить ихъ паденіе. Пусть же, поэтому, они не забудутъ, что въ лицѣ промышленниковъ они даютъ господство своимъ дѣйствительнѣйшимъ, непосредственнѣйшимъ врагамъ и что только черезъ ниспроверженіе ихъ, черезъ завоеваніе себѣ политической власти могутъ они достигнуть своего собственнаго освобожденія....

Первымъ слѣдствіемъ пролетарской революціи въ Англіи будетъ централизація крупной индустріи въ рукахъ городовъ, т. е. господствующаго пролетаріата; вмѣстѣ съ централизаціей индустріи отпадутъ всѣ тѣ отношенія конкуренціи, которыя въ настоящее время создаютъ конфликтъ между регулированіемъ рабочаго времени и прогрессомъ индустріи. Такимъ образомъ, рѣшеніе вопроса о десяти часахъ, какъ и всѣхъ вопросовъ, основывающихся на противоположеніи капитала и наемной платы, лежитъ въ пролетарской революціи.

*) Курсивъ мой П. С.

(Журналъ „Neue Rheinische Zeitung“ 4 Heft, 1850, S. 13—16). Въ „Inauguraladresse“ отъ 1864 года *) и въ „Капиталѣ“ Марксъ оставилъ эту наивно революціонную точку зрѣнія, но еще не былъ принужденъ поставить себѣ гиперреволюціонный вопросъ о томъ, не должна ли благодаря *жизнеспособнымъ* соціальнымъ реформамъ стѣна между капиталистическимъ и соціалистическимъ обществомъ стать еще выше. Ему совсѣмъ не было надобности безпокоится объ этомъ щекотливомъ вопросѣ. Только подъ давленіемъ современнаго развитія соціальной жизни и особенно благодаря *дѣйствительному усиленію пролетаріата* этотъ вопросъ въ сопровожденіи цѣлаго ряда болѣе или менѣе съ нимъ связанныхъ, чисто практическихъ проблемъ, вошелъ въ порядокъ дня. Такимъ образомъ, на долю нашего времени остается позади соціальныхъ реформъ обнаружить сѣти оппортунизма. И еще маленькое историческое противорѣчіе: идеологическая незрѣлость, какъ выраженіе экономической зрѣлости. Такая идеологическая незрѣлость означаетъ, однако, догматизмъ эпигоновъ.

Уже выше было отмѣчено, что новѣйшая марксистская литература очень много мучится надъ понятіемъ „соціальной революціи“. Лишенная первоначальной наивности, отличающей марксовское пониманіе, она чувствуетъ необходимость въ философскомъ и соціалистическомъ доказательствѣ справедливости этого теоретическаго псевдопонятія. Но такія попытки должны, къ сожалѣнію, терпѣть крушеніе потому, что реалистическое воззрѣніе не допускаетъ самостоятельнаго значенія такого понятія рядомъ съ понятіемъ соціальной эволюціи.

Большинство марксистовъ, повидимому, серьезно полагаетъ, что фраза о превращеніи чисто количественнаго измѣненія въ новое качество дастъ реальное объясненіе явленію соціальной революціи. Къ сожалѣнію,

*) Отсюда заимствованъ эпиграфъ книги Бернштейна: „и потому десятичасовый билль былъ не только большимъ практическимъ успѣхомъ, но былъ побѣдою принципа“.

она представляетъ ни что иное, какъ перифразу явленія при помощи логическихъ категорій. Теоретикопознавательное разсужденіе должно установить истинный смыслъ этой перифразы, которую некритическій духъ надѣляетъ мистически-діалектической силой объясненія.

Два качественно различныхъ воспріятія не сразу признаются нами различными формами „одной и той же вещи". Всегда необходимы извѣстныя условія для того, чтобы сдѣлать для насъ въ этомъ случаѣ пріемлемой тождественность вещи. *Теоретикопознавательная проблема есть, слѣдовательно, не качественное измѣненіе, которое дано непосредственно, а толкованіе его, какъ измѣненія той же самой „вещи"* „Мы... спрашиваемъ, естественно, какъ это возможно на дѣлѣ, не о томъ, что вещь измѣняетъ свои качества, а о томъ, какъ и въ какомъ смыслѣ возможно утверждать, что она одна и тоже съ тою, которая прежде имѣла это или какое-либо другое свойство... *) Отсюда слѣдуютъ дальнѣйшіе не неважные для интересующаго насъ случая выводы. *Качественныя измѣненія одной и той же вещи* (а подъ понятіе „вещи" подводится также и общество) **) мыслимы только при опредѣленныхъ условіяхъ. Это, именно, тѣ условія, которыя принуждаетъ насъ принимать тождественность „вещи" несмотря на качественныя измѣненія непосредственнаго воспріятія. Самымъ кардинальнымъ изъ этихъ условій является—рядомъ съ причиннымъ обоснованіемъ—*доказанная или предполагаемая непрерывность измѣненія.* Этотъ законъ „непрерывности всякаго измѣненія", который гегеліански настроенные марксисты—по примѣру Гегеля—считаютъ лишеннoй смысла тавтологіей и выдаютъ за нѣчто вродѣ реакці-

*) Ср. Wilchelm Schuppe: Erkenntnisstheoretische Logik, Bonn, 1878. S. 445.

**) Ср. Th. Kistiakowski: Geselschaft und Einzelwesen, S. 126—133.

оннаго слабоумія *), установилъ никто иной, какъ основатель нѣмецкой идеалистической философіи - Кантъ. „Всякое измѣненіе оказывается... возможнымъ только благодаря непрерывному дѣйствію причинности..... При этомъ нѣтъ *никакого различія* реальнаго въ явленіи подобно тому, какъ и никакого различія во временной величинѣ, *ни самомалѣйшаго*, и такимъ образомъ, новое состояніе реальности поднимается изъ перваго, въ которомъ она еще не была, черезъ всѣ безконечныя ступени ея, всѣ отличія которыхъ другъ отъ друга меньше, чѣмъ различія между О и А. **)

*) Ср. русскую книгу Бельтова „Развитіе монистическаго взгляда на исторію“ (Петербургъ 1895 стр. 74—77—по моему мнѣнію, наилучшее изложеніе историкофилософскихъ основаній ортодоксальнаго марксизма), и совершенно въ томъ же духѣ Плехановъ, „Beiträge zur Geschichte der Materialismus“ (Stuttgart, 1896. S. 159—160) и „Zu Hegels sechzigstem Geburstage“ въ „Neue Zeit“ X. I. особенно, S. 279—281. Изъ этихъ сочиненій др. Роза Люксембургъ почерпнула свое философское обоснованіе соціальной революціи, какъ акта политическаго творчества.

**) Kritik der reinen Vernunft, 2 Aufl. der Kerbachschen Ausgabe, S. 194 до 195.

Для объясненія могутъ служить превосходныя разсужденія Цигена и Зигварта. Ср. Psichophisiologische Erkenntnisstheorie—перваго, Iena, 1898, S. 11—12: „Необходимымъ условіемъ для непосредственнаго выступленія относительнаго представленія „одной и той же вещи“ является не качественное сходство послѣдовательныхъ ощущеній, также не согласованность ихъ пространственныхъ положеній, а *непрерывность* качественнаго и пространственнаго измѣненія. Даже, если мы позднѣе путемъ сравненія безчисленныхъ сложныхъ сосуществующихъ и послѣдовательныхъ ощущеній, т. е., наприм., при помощи естественныхъ наукъ находимъ тождественность также и въ мнимо небезпрерывныхъ измѣненіяхъ, обнаруженіе подобной тождественности, все же, основывается постоянно на той же скрытой, но на самомъ дѣлѣ, во всякомъ случаѣ существующей непрерывности. Когда фокусникъ ту карту, которую онъ только-что показалъ въ своей рукѣ, сразу послѣ этого вытаскиваетъ изъ кармана моего сюртука, я получаю представленіе о тождественности карты только въ томъ случаѣ, когда для меня станетъ ясна непрерывность пространственнаго измѣ-

Эти разсужденія содержатъ въ себѣ *теоретико-познавательное толкованіе эволюціонизма. Непрерывность каждаго, и самаго сильнаго измѣненія, представляетъ необходимый теоретикопознавательный и психологическій постулатъ его пониманія.* Эволюціонный принципъ занимаетъ мѣсто, подобное закону причинности, это общезаконная форма, въ которой мы должны представлять себѣ радикальное измѣненіе вещей. Отно-

---

ненія карты. Въ такомъ случаѣ психологично, т. е. понятно по законамъ физіологической психологіи, что послѣдовательныя, непрерывно измѣняющіяся ощущенія вызываютъ представленіе вещи. Два одинаковыхъ ощущенія рядомъ другъ съ другомъ имѣютъ разные пространственные коэффиціенты и постольку являются необходимо качественно различными. Поэтому, несмотря на представленіе одинаковости является представленіе *многихъ* предметовъ. Среди послѣдовательныхъ, непрерывно измѣняющихся ощущеній, два ощущенія, сосѣднія по времени, качественно (со включеніемъ пространственнаго качества) вполнѣ согласуются и только поэтому вызываютъ представленіе вещи. Такъ какъ измѣненіе непрерывно, и это представленіе вещи будетъ все время удерживаться несмотря на растущее различіе между даннымъ и начальнымъ ощущеніемъ Существо дѣла можно показать явственнѣе, если принять во вниманіе то, что вялость элементовъ нашей мозговой коры обезпечиваетъ каждому раздраженію нѣкоторую продолжительность и этимъ споспѣшествуетъ смѣшенію послѣдовательныхъ представленій. Если желательно указать полную аналогію этому изслѣдованію непрерывныхъ различныхъ ощущеній въ области сосуществованія, слѣдуетъ, наприм., взять плоскость, цвѣтъ которой или непрерывно измѣняется отъ одной границы до другой или остается совершенно одинаковымъ. Въ подобныхъ случаяхъ и для сосуществованія устанавливается представленіе тождественности или единства, и только на основаніи вторичныхъ соображеній мы разлагаемъ поверхность на множество болѣе мелкихъ протяженныхъ единицъ. Такъ называемая аналитическая геометрія основывается въ существенныхъ чертахъ на указанной сейчасъ аналогіи". Въ главныхъ пунктахъ согласуются съ этимъ ясныя выкладки Зигварта въ его „Logik" (II Band, 2 Aufl. Freiburg und Leipzig, S. 125—127). „Если передъ нашими глазами синяя бумага краснѣетъ, положенный на печь кусокъ воска растопляется, если въ нашей рукѣ холодное тѣло согрѣвается, твердое же размягчается,—то мы имѣемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ вполнѣ непрерывный переходъ,

сительно содержанія и причинности измѣненія эволюціонный принципъ *ничего не* говоритъ: обозначается только форма его, и эта форма есть—непрерывность. Старый принципъ: natura non facit saltus соотвѣтственно этому измѣняется такимъ образомъ, что гласитъ: intellectus non patitur saltus.

Я могу утверждать, конечно, одно: подобно тому, какъ причинность человѣческаго поведенія допускаетъ только своего рода образное выраженіе въ чувственныхъ терминахъ механической причинности, и непрерывность психическихъ и соціальнопсихическихъ явленій можетъ быть сдѣлана только *образнонаглядною* благодаря ссылкѣ на физическія, химическія и иныя „вещи". Хотя подведеніе человѣческихъ поступковъ подъ общій законъ причинности наталкивается всегда на психологическую оппозицію присущаго каждому здоровому человѣку *чувства* его „свободы", однако же. съ другой стороны, мысль о томъ, что измѣненія въ человѣческихъ вещахъ допустимы лишь какъ непрерывныя, въ обыкновенномъ сознаніи пустило гораздо болѣе глубокіе психологическіе корни и гораздо непосредственнѣе для него, чѣмъ противоположное „революціонное" воззрѣніе. Поэтому то и случается такъ часто, что эволюціонизмъ сливается съ консервативными идеями (мы говоримъ только объ исторической школѣ права!) и въ противоположность этому детерминизмъ обвиняется въ

совершающійся на одномъ и томъ же мѣстѣ пространства, и у насъ никогда не возникаетъ побужденіе предположить, что то, что раньше было на этомъ мѣстѣ, замѣнено совсѣмъ другой субстанціей; единство вещи сохраняется въ этомъ отношеніи, какъ раньше при пространственной опредѣленности, такъ теперь при временной непрерывности переходовъ ощущеній внутри этихъ границъ, пожалуй, при непрерывномъ измѣненіи самихъ этихъ границъ. Ради этой непрерывности мы вѣримъ въ то, что должны сохранить единство также и тогда, когда, какъ при плавкѣ желѣза, всѣ и каждое изъ непосредственно ощущаемыхъ ка честъ—цвѣтъ, форма, температура, тяжесть и т. д. измѣняются (l. c. 126.)

„революціонныхъ“ послѣдствіяхъ. Тѣмъ не менѣе, логически эволюціонизмъ имѣетъ съ консервативными идеями такъ же мало общаго, какъ детерминизмъ съ „революціонными“. По отношенію къ нашему спорному вопросу вышеизложенныя разсужденія означаютъ теоретикопознавательное упраздненіе понятія революціи, какъ самостоятельнаго *теоретическаго* понятія, которое якобы можетъ выражать собою особую форму соціальнаго преобразованія. Понятіе революціи, поэтому, должно быть отодвинуто въ ту область, гдѣ со времени Канта находятся свобода воли (въ смыслѣ безпричинныхъ поступковъ), субстанціональность души и т. д.; практически это чрезвычайно важныя понятія, теоретически же они лишены значенія.

Что касается до „видоизмѣненія количества въ качество“, то эта формула является только инымъ *логическимъ* выраженіемъ для характеристики рѣшительнаго измѣненія „одной и той же вещи“, какъ измѣненія непрерывнаго и допускающаго измѣреніе. Благодаря этому представленію должно стать для насъ понятнымъ *и данное* качественное измѣненіе. Если переходъ отъ капитализма къ соціализму долженъ быть признанъ необходимымъ, онъ долженъ быть изложенъ, какъ общепонятный процессъ, что значитъ—какъ *непрерывное и причинно обоснованное измѣненіе общества*. Поэтому, въ теоретикопознавательномъ отношеніи съ самаго начала ясно, что совершенно ошибочно, когда при генетическомъ объясненіи соціализма ставятъ его въ глубочайшее противоположеніе къ капитализму—благодаря этому становится просто невозможнымъ теоретическое доказательство его необходимости—реалистическимъ путемъ. Новая ортодоксальная марксистская діалектика работаетъ здѣсь съ совершенно ненужными для данной познавательной цѣли понятіями. Что соціализмъ не тождественъ съ капитализмомъ, явствуетъ изъ этихъ понятій само собою. При обоснованіи соціализма, какъ исторически необходимой формы общества, дѣло идетъ

не о томъ, чтобы отыскать—въ виду того, что капитализмъ есть нѣчто данное въ дѣйствительности, соціализмъ же, долженствующее развиться—элементы, разъединяющіе обѣ формы, а наоборотъ, элементы необходимо—т. е. путемъ непрерывной причинности и постоянныхъ переходовъ—ихъ соединяющіе. Для теоретическаго, т. е. эволюціонноисторическаго изслѣдованія имѣется чрезвычайно излюбленное въ марксистской литературѣ указаніе на полное различіе въ сущности между соціализмомъ и капитализмомъ и на невозможность реализировать соціализмъ въ рамкахъ капиталистическаго общества. Чтобы страстно желаемое, невозможное, въ концѣ концовъ, все же было признано необходимымъ, на помощь призвано соціальное чудо—соціальная революція, которая приводитъ въ исполненіе переходъ количества въ качество благодаря внутренне присущей ей творческой силѣ. Во всемъ этомъ воззрѣніи заключается странное противорѣчіе: различіе капитализма и соціализма въ ихъ сущности необходимо требуетъ соціальной революціи, послѣдняя же (переходъ количества въ качество) устанавливаетъ отвлеченно непрерывный переходъ отъ капитализма къ соціализму переходъ, который уже исключенъ различіемъ ихъ существа.

Если доискиваться той конкретной идеи, которая лежитъ въ основаніи этого логически чрезвычайно неудовлетворительнаго воззрѣнія, то достигается обыкновенно простое положеніе: соціальный переворотъ можетъ быть совершенъ только посредствомъ политической революціи. Эта идея не подвигаетъ насъ теоретически ни на шагъ впередъ, ибо политическая революція, которая должна служить въ качествѣ орудія соціальнаго переворота, уже предполагаетъ,—согласно основному взгляду матеріалистическаго пониманія исторіи—всякій соціальный переворотъ.

Какъ бы высоко ни цѣнилось значеніе завоеванія политической власти пролетаріатомъ, оно является все

же, взятое хотя сколько нибудь *реалистически*, только результатомъ и итогомъ соціальнаго переворота, а вовсе не его исключительнымъ содержаніемъ. Завоеваніе политической власти совершенно безсмысленно противопоставлять законодательству и законодательной работѣ надъ реформою въ качествѣ существенно различныхъ моментовъ. Завоеваніе политической власти допускаетъ логически и эмпирически различные пріемы. Съ другой стороны, если только завоеваніе политической власти разъ достигнуто, изъ такой власти нельзя сдѣлать никакого иного употребленія кромѣ выполненія—съ ея помощью—законодательной работы надъ реформою. „Политическая власть“ должна быть завоевана для того, чтобы употребить ее въ дѣло—путемъ законодательства и правленія.

Несмотря на всѣ эволюціонистическія придатки—слѣдомъ за діалектическимъ образомъ мышленія—возвращается старое утопическое пониманіе соціальнаго переворота, какъ политической революціи. *) Мы видѣли, что весь этотъ образъ мыслей вѣнчается, тѣмъ что „матеріалистическое пониманіе исторіи“ изъ орудія дѣйствительнаго объясненія общественнаго развитія становится орудіемъ мнимаго реалистическаго объясненія недоступнаго пониманію соціальнаго чуда. Матеріалистическое, или какъ я сказалъ бы съ большимъ удовольствіемъ, реалистическое пониманіе исторіи превра-

*) Еще два слова о „диктатурѣ пролетаріата“. Это якобински—бланкистское понятіе, по моему мнѣнію, создано для того, чтобы низвести соціальный переворотъ на степень правительственнаго распоряженія демократическаго правительства. „*Диктатура пролетаріата*“—если она вообще только мыслима—съ соціальнымъ переворотомъ совершенно не совмѣстима, она или совершенно излишня для него, или болѣе, чѣмъ недостаточна. Чѣмъ болѣе общество—вслѣдствіе усиленія рабочаго класса—приближается къ соціализму, тѣмъ менѣе можно и нужно думать о диктатурѣ этого класса; чѣмъ больше то разстояніе, которое отдѣляетъ общество отъ соціализма, тѣмъ менѣе въ состояніи лекарство „*диктатуры*“ помочь соціализму въ этой незрѣлости.

щается при этомъ дѣйствительно въ возвышенно идеалистическій и утопическій взглядъ. Если политическія и правовыя отношенія капиталистическаго общества—включая сюда развитіе соціальныхъ реформъ и демократіи—„воздвигаютъ все болѣе высокую стѣну между капиталистическимъ и соціалистическимъ обществомъ", въ такомъ случаѣ на дѣлѣ тѣло и душа ведутъ здѣсь совершенно разъединенное и антагонистическое существованіе. Тѣло капитализма становится все соціалистичнѣе, его же душа все капиталистичнѣе, наоборотъ, тѣло соціалистическаго агента—рабочаго класса—становится все капиталистичнѣе, его душа—въ союзѣ съ тѣломъ капитализма—все соціалистичнѣе. И поэтому совершенно послѣдовательно, когда намъ говорятъ, что постепенно соціализирующее вліяніе цѣховой и парламентской борьбы на капиталистическое хозяйство совсѣмъ призрачно (Luxemburg, 1. c. 28—29.) „Великое соціалистическое значеніе цѣховой борьбы заключается въ томъ, что оно (она?) соціализируютъ *познаніе*, сознаніе рабочаго класса". Здѣсь не признано—и, впрочемъ, совершенно логично съ однажды принятой точки зрѣнія—вліяніе классовой борьбы на хозяйство, и классовая борьба выдыхается въ мысленную или спиритуальную способность, которая находится въ непрерывномъ и усиливающемся противоположеніи къ соціальной дѣйствительности. Или, наоборотъ: здѣсь на мѣсто широко прославленнаго и чрезвычайно гибкаго монизма становится неподвижный дуализмъ, который безжалостно повергаетъ на земь всякую эмпирію для того, чтобы въ концѣ концовъ благодаря чуду „творческаго политическаго акта" достигнуть въ мирной гавани монизма уничтоженія противорѣчій. Этотъ дуализмъ долженъ, если быть послѣдовательнымъ, освободить „сознаніе" рабочаго класса отъ своего „существованія".

Такимъ образомъ, продуманное послѣдовательно „принятое партіей воззрѣніе" или ортодоксальный „діалектическій" марксизмъ оказывается чрезвычайно ори-

гинальною формою утопизма, который я—въ противоположность другимъ утопическимъ системамъ – назвалъ бы эволюціонноисторическимъ или историческимъ утопизмомъ. Въ эволюціонномъ ученіи, которое безспорно представляетъ характерное свойство и блестящее дѣйствіе марксовскаго соціализма, заключается также и его уязвимое мѣсто; оно полагается именно въ мнимо непобѣдимой „діалектикѣ".

Пока не устранена рѣшительно идея „соціальной революціи", какъ теоретическое понятіе, нѣтъ силъ освободиться отъ многихъ противорѣчій. Но вмѣстѣ съ нею падаетъ и то воззрѣніе на капиталистическое развитіе, которое влагаетъ отвлеченное противоположеніе между капитализмомъ и соціализмомъ въ самое развитіе. Только благодаря этому, то положеніе, что капитализмъ развивается до соціализма, достигаетъ полной истинности. Въ такомъ случаѣ необходимость соціализма обосновывается не чудомъ „соціальной революціи", которая на мѣсто капиталистическаго общественнаго порядка ставитъ соціалистическій, а только постепеннымъ развитіемъ экономическихъ явленій и ихъ правовой нормировки въ капиталистическомъ обществѣ. Соціализмъ какъ реальная потенція или долженъ быть достигнутъ въ дѣйствительномъ, т. е. капиталистическомъ обществѣ, или онъ вообще лишенъ существованія. Разъ капитализмъ долженъ быть исторически разсматриваемъ и излагаемъ въ формѣ развитія къ соціализму, отвлеченное противорѣчіе между капитализмомъ и соціализмомъ должно быть устранено исторически. Всѣ неясности и промахи марксистскаго эволюціоннаго ученія связаны съ оттѣненіемъ отвлеченной противоположности капитализма и соціализма. Это противоположеніе въ дѣйствительности не столько выводится изъ реальной борьбы соціальныхъ классовъ внутри существующаго общественнаго порядка, какъ ихъ развитый и абстрактно установленный конечный результатъ, сколько гипостазируется въ формѣ борьбы двухъ въ основаніи

различныхъ сущностей капитализма и соціализма. То, что эти сущности замѣняются субъективными носителями—буржуазіей и пролетаріатомъ, хоть и прикрываетъ это гипостазированіе, но не уничтожаетъ его. Ибо весь процессъ развитія измѣряется и оцѣнивается въ дѣйствительности отвлеченными противоположностями, капитализмомъ и соціализмомъ; слѣдовательно, они же опредѣляютъ и съ самаго начала представленіе о его ходѣ. Только поэтому возможно говорить объ „уничтоженіи“ капитализма пролетаріатомъ. Того, что „уничтоженіе“ общественнаго порядка представляетъ совершенно не выполнимую идею—тѣ, кто объ этомъ говоритъ, повидимому, не предполаютъ.

Здѣсь не мѣсто подробно излагать и критиковать „діалектику“. Но въ контрастъ продолжающемуся прославленію ея (этому послѣднему поддался и самъ Бернштейнъ) будетъ болѣе, чѣмъ кстати, строжайшимъ образомъ оттѣнить то, что безусловно неправильно отождествлять „діалектику“ съ эволюціоннымъ принципомъ „Діалектика“ есть логическій методъ, построенный на опредѣленномъ метафизическомъ принципѣ—именно на тождествѣ мышленія и бытія. „Діалектика“ такимъ образомъ дѣлаетъ логику онтологіей. Но если въ томъ, что мы называемъ дѣйствительностью, все течетъ, то съ другой стороны логическое мышленіе осуществляется только съ помощью постоянства и опредѣленности сужденій и понятій. „Условіемъ возможности совершеннаго сужденія является непрерывное постоянство, полная опредѣленность, общая согласованность и недвусмысленное словесное выраженіе представленій, которыя входятъ въ сужденіе въ качествѣ сказуемыхъ или же въ качествѣ подлежащихъ. Представленіе, отвѣчающее этимъ требованіямъ, мы называемъ понятіемъ въ логическомъ смыслѣ слова“ *). Если дѣйствительность является „діалектической“, то логическое и, слѣдова-

*) Ср. Christoph Sigwart, Logik I Band (2 Aufl.) Freiburg i. B. 1889, S. 315.

тельно, научное мышленіе,—по своей сущности—*недіалектическое*. Излюбленной манерѣ приводитъ въ качествѣ неизлечимой слабости человѣческаго духа неподвижность мышленія въ противоположность „діалектикѣ", т. е. текучести реальныхъ вещей, можно съ такимъ правомъ, однако, противоставить тотъ взглядъ, что только неподвижное мышленіе съ его постоянными представленіями и понятіями достигаетъ практическаго и теоретическаго преодолѣнія „естественной анархіи", „діалектической" дѣйствительности, т. е. міра непосредственныхъ воспріятій. Но въ неподвижности „мышленія" заключается не столько его сила, сколько условіе его возможности: безъ такого условія оно само немыслимо. Стремленіе въ мнимой „текучести" понятій снова находитъ абсолютную измѣняемость міра, который, впрочемъ, въ свою очередь можетъ быть мыслимъ только съ помощью понятія абсолютно постоянной субстанціи и столь же абсолютно постоянной силы, является онтологическимъ предразсудкомъ. Какъ измѣнчивое, такъ и неизмѣнное въ мірѣ усваивается при помощи постоянныхъ понятій человѣческаго познанія. Чрезвычайно пріятно видѣть, какъ діалектическій марксизмъ, руководимый или, лучше сказать, увлеченный практически—политическимъ мотивомъ, терпитъ крушеніе на некритическомъ употребленіи неподвижныхъ понятій. Марксистъ, вооруженный „формулою противорѣчія", пролагаетъ по истинѣ съ „недіалектическимъ" упорствомъ неподвижныя отвлеченныя противоположенія въ дѣйствительность. Такимъ образомъ, выходитъ, что діалектическій марксизмъ свою эволюціонноисторическую картину строитъ по большей части съ помощью понятій: „соціализма", „класса" и т. д., понятій, хранимыхъ самымъ педантическимъ, прямо таки религіознымъ образомъ, въ ихъ неподвижности и абсолютизмѣ. То, что возражаютъ постоянно теоретически въ партіи противъ такъ называемаго оппортюнизма, сводится ни на что иное, какъ на эти абсолютныя по-

нятія соціализма и классовой борьбы. Присущій ортодоксальному марксизму абсолютизмъ понятій въ извѣстномъ смыслѣ является прямою противоположностью „діалектики“ или—если хотите—діалектическое „мышленіе“ ведетъ здѣсь коварную игру съ „бытіемъ“: мышленіе, въ силу своего тождества съ „бытіемъ“, вливаетъ его въ удобныя для него и—увы!—неподвижныя формы. Матеріалистическая философія тождественности должна быть выведена ея практическимъ разумомъ на идеалистическую въ худшемъ смыслѣ и „недіалектическую“ дорогу и такимъ образомъ измѣнена въ противоположное ей воззрѣніе. Конечно, добрая воля этого практическаго разума соціализма—съ особою настойчивостью надѣлять значеніемъ свои соціально-политическіе постулаты въ противоположность соціальной дѣйствительности; передъ форумомъ же теоретическаго познанія споръ долженъ вестись инымъ орудіемъ. Ибо, все же, необходимо сказать слѣдующее: если поставить себѣ вопросъ о происхожденіи понятій „соціальной революціи“, „крушенія капиталистическаго общества“ и т. д., то на это возможенъ только слѣдующій отвѣтъ: эти теоретическія псевдопонятія произошли изъ неизбѣжно ошибочнаго стремленія превратить практически-политическіе постулаты соціализма, т. е. соціальнаго идеала въ теоретическія понятія ради историческаго, т. е. причино генетическаго изслѣдованія. То, что можетъ въ качествѣ руководящей идеи быть признано справедливымъ для опредѣленнаго историческаго момента въ соціальномъ идеалѣ какой-либо борющейся соціальной группы, вовсе еще не представляетъ безъ дальнѣйшихъ разсужденій пользы для теоретическаго познанія дѣйствительной общественной жизни. Сила научнаго соціализма—поставленная имъ себѣ цѣлью и отчасти осуществленная связь между теоріей соціальнаго развитія и соціальнополитической программой классовой борьбы—въ то же время стала и источникомъ не меньшихъ научныхъ заблужденій.

Если то обстоятельство, что Марксъ былъ самъ соціалистомъ, до чрезвычайности обострило его склонность къ исторической относительности капиталистическаго экономическаго порядка и, слѣдовательно, было не слишкомъ полезно его теоретической работѣ, то, съ другой стороны, то же обстоятельство обратило его взоръ на совершенно непонятную съ эволюціонно-исторической точки зрѣнія границу между капитализмомъ и соціализмомъ. Это заставило его превратить отвлеченное противоположеніе въ объективное, проектировать его произвольно въ дѣйствительность. Изъ того, что соціализмъ есть революціонное понятіе, т. е. его содержаніе составляетъ полный переворотъ соціальнаго существованія, вовсе еще не слѣдуетъ того, что это содержаніе можетъ быть реализировано въ формѣ одного или многихъ, мыслимыхъ какъ реальное единство, человѣческихъ поступковъ, т. е. въ формѣ революціи. Но Марксъ дедуцировалъ изъ революціоннаго содержанія практическаго понятія соціализма своеобразное его осуществленіе и, такимъ образомъ, построилъ теоретическое понятіе соціальной революціи. Регулятивная соціальнополитическая идея, соціальный идеалъ, который неподвиженъ и долженъ быть такимъ, совершенно непригодны для общественнаго процесса развитія. Для эволюціонноисторическаго разсмотрѣнія соціализмъ, если только оно хочетъ воспользоваться этимъ понятіемъ и этимъ словомъ, исчерпывается существовавшими въ той или другой формѣ событіями и тенденціями капиталистическаго общества; соціалистъ же практикъ можетъ и, по моему мнѣнію, ему единственно позволительно, видѣть въ немъ только—„увѣковѣченіе“ капиталистическаго общества. Очевидно, безнадежно стараться соединить эти двѣ точки зрѣнія: ибо онѣ работаютъ съ совершенно различными понятіями и прилагаютъ совершенно различные масштабы. Онѣ могутъ помогать другъ другу психологически—но логически онѣ должны оставаться въ основаніи

всегда *автономными*. Желать довести практическіе идеалы до полнѣйшаго совпаденія съ теоретическими взглядами значило бы вообще предаваться пустой мечтѣ. Въ этомъ смыслѣ въ соединеніи словъ: *научный соціализмъ* заключается великая утопія. Соціализмъ не можетъ—по своей природѣ, какъ соціальный идеалъ—никогда подняться до науки или подчиниться ей.

И въ своемъ реалистическомъ пониманіи марксизмъ содержитъ не столько научнаго элемента, чтобы отъ одного только того, что соціальное будущее лежитъ передъ его сознаніемъ вполнѣ предопредѣленнымъ, исчезло живое творческое удовольствіе. Но онъ достаточно наученъ для того, чтобы для его адептовъ были истинными умныя слова Фихте: „*Нужно хотѣть не только бороться, но и побѣждать*."

Изложенное въ этой статьѣ реалистическое воззрѣніе основывается на марксовскихъ идеяхъ и особенно на основномъ взглядѣ историческаго матеріализма о постоянно продолжающемся приспособленіи права къ хозяйству столько же, сколько и нереалистическая форма разсмотрѣнія, которая работаетъ съ ложнымъ теоретическимъ понятіемъ „соціальной революціи". Марксъ versus Марксъ! Утопическая черта должна была быть необходимо присуща марксизму, какъ теоретическому обоснованію соціализма, пока онъ исходилъ и долженъ былъ исходить изъ фактическихъ предпосылокъ 40 хъ годовъ, т. е. изъ теоріи обнищанія. *Съ тѣхъ поръ выяснились, однако, реальныя основы развитія къ соціализму, иначе говоря, этотъ послѣдній былъ впервые вызванъ къ жизни*, я разумѣю *дѣйствительное экономическое и политическое развитіе власти рабочаго класса въ предѣлахъ капиталистическаго общественнаго порядка*. Этотъ, возвышающійся надъ всѣми остальными фактами, фактъ дѣлаетъ классовую борьбу пролетаріата столько же естественной, сколько и важной функціей. Взглядъ, который отрицаетъ постепенное соціализированіе капиталистическаго общества, принужденъ—какъ

мы это уже имѣли случай показать—смотрѣть на дѣйствительную экономическую и политическую борьбу классовъ, которая не совершается нигдѣ, кромѣ капиталистическаго общества, при наличности, его предпосылокъ и его средствами, какъ на своего рода духовное и политическое вовлеченіе пролетаріата въ рѣшительную битву соціальной революціи. Ежедневная классовая борьба благодаря этому становится лишеннымъ самостоятельнаго содержанія подготовительнымъ средствомъ и утрачиваетъ живую связь съ реальной жизнью—къ счастью только въ теоріи. Согласно реалистическому или эволюціонистическому взгляду, нами защищаемому, классовая борьба представляетъ столько же реальную, сколько и идеальную силу. Она является оружіемъ и выраженіемъ роста силъ пролетаріата. Конечно, вѣра въ то, что развитіе капитализма къ соціализму зависитъ отъ прогрессирующаго въ неопредѣленности до наступленія соціальной революціи обостренія классовой борьбы и классовыхъ противорѣчій, несоединима съ ученіемъ о постепенномъ соціализированіи общества. Если соціализація должна наступить въ дѣйствительности, она должна привести за собою прогрессирующее ослабленіе, а въ заключеніе и исчезновеніе классовыхъ противорѣчій. Этотъ результатъ принимается, само собой разумѣется, также и ортодоксальнымъ марксизмомъ; но только этотъ послѣдній ожидаетъ исчезновенія классовыхъ противорѣчій отъ ихъ обостренія и конечнаго „уничтоженія“ благодаря диктатурѣ пролетаріата, мы же выводимъ тоже самое изъ прогрессирующаго увеличенія власти пролетаріата и его соціально-реформаторской дѣятельности.

Я боюсь, что мнѣ—благодаря теоретическому отрицанію понятія соціальной революціи—не избавится отъ упрека въ реакціонномъ несоціалистическомъ образѣ мыслей. Но этотъ упрекъ уничтожается такимъ же образомъ, какъ и упрекъ, направленный противъ теоретическихъ идеалистовъ: онъ отрицаетъ „существо-

ваніе“ того дома, въ которомъ онъ обитаетъ. Обыкновенно забываютъ, что каждая дѣйствительная „революція“ имѣетъ свое мѣсто внутри эволюціи, и что мой взглядъ отрицаетъ не дѣйствительные факты и не реальныя стремленія отдѣльныхъ людей и цѣлыхъ группъ, а единственно и только вполнѣ опредѣленный образъ ихъ отвлеченнаго пониманія. И по моимъ взглядамъ, соціализмъ революціоненъ, пролетаріатъ же долженъ быть такимъ.

Но соціальная революція не перестаетъ, тѣмъ не менѣе, быть небылицею: она такова потому, что въ томъ смыслѣ, въ какомъ о ней говорятъ, какъ о революціи, она совершенно не соотвѣтствуетъ всѣмъ мыслимымъ сколько-нибудь въ формѣ единствъ человѣческимъ поступкамъ.

Можно стремиться къ соціальной революціи, но если мыслить реалистически, только постоянно сознавая, что ни отдѣльный человѣкъ, ни весь классъ, къ которому онъ принадлежитъ, ни вообще человѣческій родъ не можетъ ее сдѣлать. Все, что мы можемъ счесть человѣческимъ созданіемъ или дѣятельностью, оказывается—при реалистическомъ разсужденіи—совершенно неадэкватнымъ этой великой цѣли. Для практическаго сознанія общая идея цѣли, хотя бы для теоретическаго сознанія соціальная революція и распадалась на рядъ явленій, становится процессомъ, помимо котораго могущество не можетъ быть приписано никакому иному реальному психическому субъекту. Громадное различіе между тѣмъ, что мы называемъ политической революціей и тѣмъ, что именуемъ революціей соціальной, заключается въ томъ, что для первой мы въ состояніи установить дѣйствительнаго субъекта, который бы ее произвелъ своими силами, вторая же можетъ быть мыслима только лишенной носителя, ибо она выше всѣхъ возможныхъ историческихъ субъектовъ. И для пролетаріата, какъ реальнаго, надѣленнаго общею волею, субъекта—изъ отвлеченныхъ основаній—я не дѣлаю

Проблема субъекта соц-ной и полит. рев-ции

въ этомъ отношеніи исключенія. Въ величіи соціальной революціи, какъ идеи цѣли, обнаруживается характеръ ея—характеръ несравнимаго съ отдѣльными человѣческими поступками процесса развитія: соціальная революція есть или отвлеченно антиципированный результатъ соціальной эволюціи или самая эта эволюція. Такъ называемая „теорія крушеній“ или теорія соціальной „революціи“ представляется намъ, слѣдовательно, логически—абстрактно непріемлемымъ ученіемъ. Послѣдовательно продуманная, она равняется отказу отъ основного реалистическаго взгляда марксизма.

Свое эмпирическое основаніе „теорія крушеній“ нашла у Маркса въ ученіи о естественно необходимомъ обнищаніи народныхъ массъ съ теченіемъ капиталистическаго развитія. Этого ученія Марксъ никогда не оставлялъ, но оно отвергнуто фактами и почти совершенно отброшено марксистами. И если бы это ученіе было правильно, его правильность была бы только доказательствомъ противъ возможности соціализма, *самоосвобожденіе* пролетаріата и прогрессъ культуры, такимъ образомъ, противъ возможности марксовскаго соціализма.

Теорія крушеній въ своихъ новѣйшихъ варіантахъ стоитъ въ связи почти исключительно съ ученіемъ растущей анархіи капиталистическаго производства въ противоположность одновременно прогрессирующему обобщенію производства и росту производительныхъ силъ. Проклятіе анархіи сказывается согласно этому въ кризисахъ. Поэтому Марксъ, усвоивъ себѣ такой образъ мыслей, видѣлъ „послѣднее основаніе всѣхъ дѣйствительныхъ кризисовъ“ въ „нищетѣ и ограниченности потребленія массъ въ противоположность побужденію капиталистическаго производства развивать производительныя силы такимъ образомъ, какъ будто ихъ границу образуетъ только абсолютная потребительная способность общества“ (Das Kapital, III, 2, 21). „Чѣмъ болѣе развивается производительная сила, тѣмъ болѣе становится она въ противорѣчіе съ узкимъ базисомъ,

на которомъ основываются отношенія потребленія" (l. c. III. 1. 226). Это общее обоснованіе кризисовъ противорѣчіемъ между формами потребленія и производства высказано--какъ извѣстно—съ настойчивостью въ первомъ томѣ „Капитала". Примѣчанія ко второму тому, которыя приводитъ Бернштейнъ въ своей книгѣ (S. 68—69), не содержатъ никакого противорѣчія этой теоріи. Конечно, Марксъ понималъ отношеніе между производительнымъ движеніемъ и кризисами съ одной стороны, движеніемъ заработной платы съ другой, иначе, чѣмъ Родбертусъ. Общій подъемъ заработной платы былъ для Маркса—eo ipso—*капиталистическимъ* ея подъемомъ и былъ не только соединимъ, какъ таковой съ ухудшеніемъ положенія рабочихъ классовъ, но необходимо соединенъ. Отсутствіе же плана въ производствѣ обосновывало у Маркса только возможность, а не необходимость кризисовъ. Основою *дѣйствительныхъ* кризисовъ является безсистемное *произведеніе прибавочной стоимости**). Это значитъ—капитализмъ. Послѣдній же требуетъ необходимо недостаточного потребленія и обнищанія массъ.

Такимъ образомъ, дѣло не обходится безъ обнищанія. Какъ выше отмѣчено, теорія обнищанія была оставлена также и большинствомъ ортодоксальныхъ марксистовъ въ ея первоначальномъ и для прошлаго времени жизненномъ конкретномъ пониманіи. Тѣмъ не менѣе, ея „переинтерпретація"**), упорно продолжается. Примѣръ такой „переинтерпретаціи" приводитъ Бернштейнъ (l. c. S. 148). Подъ „увеличивающейся интенсивностью нищеты"—по мнѣнію Кунова—Марксъ и Энгельсъ подразумѣвали „только регрессъ его (рабочаго) общественнаго положенія по отношенію къ подъему производительности и увеличенію общихъ куль-

*) Ср. пропуски въ „Капиталѣ" томъ I, 3. Aufl., S. 84—85.

**) По выраженія Фридриха Отто Герца, автора стоющей прочтенія статьи: „Bernstein und die Socialdemokratie" въ Пернерштоферскихъ „Deutschen Worten" Juniheft 1899.

турныхъ потребностей". Правда, что Марксъ (а еще болѣе Родбертусъ) оттѣняетъ *рядомъ* съ абсолютнымъ также и относительное ухудшеніе положенія рабочихъ. Этотъ фактъ, имъ принятый, Марксъ выразилъ на языкѣ своихъ понятій тѣмъ, что онъ призналъ ростъ части, приходящейся на долю прибавочной стоимости,

$$\frac{M \text{ (Прибавочная цѣнность)}}{V \text{ (Измѣнчивый капиталъ}= \text{Общая сумма рабочей платы)}}$$

въ прогрессѣ капиталистическаго развитія. Но именно это признаніе допускаетъ чрезвычайно слабое согласованіе съ фактами. Для начатковъ крупно капиталистическаго развитія (первые тріумфы введеніе машинъ!) оно могло вообще быть справедливымъ, на дальнѣйшихъ же стадіяхъ при условіи полной неопредѣленности ростъ эксплуатаціи труда совершенно непріемлемъ. Доля прибавочной стоимости можетъ расти только тогда, когда или уменьшается заработная плата, каковы бы ни были тому причины, или увеличивается прибавочная стоимость. Но паденіе заработной платы не является на дѣлѣ сигнатурою современнаго экономическаго развитія всѣхъ капиталистическихъ странъ. Помимо паденія заработной платы прибавочная стоимость можетъ возникнуть или изъ удлиненія рабочаго времени или изъ интенсификаціи труда. Удлиненіе рабочаго времени не было констатировано ни для одной изъ капиталистическихъ странъ въ теченіе ихъ капиталистическаго развитія, скорѣе было наблюдаемо вообще противоположное. Интенсификація труда существуетъ въ дѣйствительности повсюду, но изъ физіологическихъ основаній она, во первыхъ, часто связана съ соотвѣтствующимъ же увеличеніемъ заработной платы, а, во вторыхъ, зависитъ отъ обязательной границы. Согласно этому, мнѣ думается, въ виду новѣйшаго экономическаго развитія, что то ученіе, что доля прибавочной стоимости или степень эксплуатаціи труда увеличивается съ ходомъ капиталистическаго развитія, долж-

но быть оставлено. Успѣхъ на сторонѣ защиты противоположной тезы, которая безъ противорѣчій присоединяется къ общей картинѣ новѣйшаго экономическаго развитія. Сигнатурою этого развитія, дающей право на лучшія надежды, является постепенно экономическое усиленіе рабочаго класса, реальный базисъ также и для роста его политическаго могущества. *)

Но тѣ, что ссылаются на авторитетъ Родбертуса, который съ мнимою неопровержимостью показалъ будто участіе рабочаго въ національномъ продуктѣ становится все меньше съ ростомъ продуктивности труда, должны бы были напомнить себѣ, что Родбертусъ своимъ положеніемъ и точь въ точь тѣми же аргументами собственно защищалъ не что иное, какъ блаженной памяти Лассалевскій „желѣзный законъ платы". Для него и для Лассаля, который слѣдовалъ ему въ этомъ вѣрно, чисто экономическое противоборство рабочихъ поползновеніямъ капитала, а еще болѣе ихъ цѣховая самопомощь были равны нулю. **)

*) Эта точка зрѣнія очень хорошо изложена Полемъ Кампфейеромъ въ его брошюрѣ „Mehr Macht" (Berlin, 1898).

**) Въ сферѣ предоставленнаго самому себѣ обращенія съ современными отношеніями собственности существуетъ законъ столь-же достовѣрный, какъ и законъ причины и дѣйствія вообще, законъ, состоящій въ томъ, что ихъ (рабочихъ) дѣйствительная заработная плата непрерывно падаетъ до той суммы, которая необходима для сохраненія ихъ силъ и обезпеченія общества новыми работниками—до такъ называемой необходимой заработной платы. Этотъ законъ также достовѣренъ, какъ и тотъ, что въ такомъ обращеніи цѣны регулируются издержками, и основывается въ конечномъ счетѣ на тѣхъ же основаніяхъ. Лассаль разъяснилъ имъ этотъ законъ, а также и немногочисленныя модальности, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ настолько удовлетворительно, что на это незачѣмъ болѣе терять словъ. Это, какъ говорятъ, „естественный законъ", который признанъ всѣми великими національэкономами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ безъ обиняковъ" (Rodbertus: Offener Brief an das Komitee des deutschen Arbeitervereins zu Leipzig, 1863, въ „Gesammelte kleine Schriften" herausg. von M. Wirth, Ausg. 1899, Berlin 1899, S. 320).

Это какъ теоретически, такъ и практически побѣжденная точка зрѣнія, на которой никогда больше ужъ не будетъ стоять также и соціалистическая рабочая масса.

Но я не намѣренъ останавливаться на томъ, что теорія крушеній, какъ теорія общихъ кризисовъ, приводитъ необходимо снова къ ученію о прогрессивномъ обнищаніи, или же соціальномъ угнетеніи рабочаго населенія. Совсѣмъ другой вопросъ навертывается мнѣ. Я склоненъ задать еретическій вопросъ: будетъ ли „крушеніе“ капиталистическаго общества въ дѣйствительности означать побѣду соціализма? При этомъ обнаруживается, по моему мнѣнію, до какой степени распахиваетъ вышеотмѣченный абсолютизмъ и реализмъ понятій марксизма и ворота и двери навстрѣчу утопической формѣ воззрѣнія. Другъ друга исключающія понятія: капитализмъ—соціализмъ преобразовываются и претворяются въ реальныя сущности. Борьба этихъ мнимореальныхъ сущностей представляется такъ, какъ будто одна изъ нихъ призвана для поглощенія другой. И все же, это только различныя формы одного живого цѣлаго, общества. То, что въ немъ началась борьба классовъ не должно заставлять насъ забывать то, что общій субстратъ, на которомъ и въ которомъ совершается эта борьба классовъ, имѣетъ опредѣленныя условія существованія, которыя не могутъ быть уничтожены никакимъ противорѣчіемъ интересовъ. Если мыслить крушеніе капиталистическаго общества вслѣдствіе развитія мірового рынка, какъ нѣчто осязательное, реальное, то должно предположить какую-нибудь объективную, „матеріальную“ подкладку.

И дѣйствительно Марксъ и Энгельсъ всегда думали о міровомъ кризисѣ, т. е. разстройствѣ, можно сказать, банкротствѣ, уже развитаго, или же еще долженствующаго развиться, интернаціональнаго раздѣленія труда.

Это совершенно правильно, ибо „крушеніе“ капиталистическаго общества реально умопостижимо только на этомъ основаніи. Теперь я спрашиваю: будетъ ли подобнымъ „крушеніемъ“ достигнутъ хоть сколько нибудь соціализмъ? На этотъ вопросъ, по моему мнѣнію, нужно отвѣчать рѣшительнымъ отрицаніемъ.

Мнѣ хочется распространиться на эту тему нѣсколько подробнѣе.

Реалистически совершенно невозможно мыслить о пропорціональномъ развитіи капиталистической индустріи въ цѣломъ мірѣ. Естественныя различія отдѣльныхъ экономическихъ областей послужатъ необходимо матеріальнымъ базисомъ для различныхъ экономическихъ образованій. Но было бы, право, также печально поджидать вмѣстѣ съ соціализмомъ капиталистическаго преобразованія всего земного шара.

Мы представляемъ себѣ, такимъ образомъ, „крушеніе“ не во всемъ хозяйствѣ, которое должно охватывать собою всегда и не капиталистическую и—что столь же важно—не индустріальную область хозяйства, но въ одной болѣе или менѣе ограниченной области индустріи *). Но для такой области реальное крушеніе, т. е. скоротечное или хроническое сокращеніе сбыта, является роковымъ и спеціально для носителя соціализма, индустріальнаго рабочаго класса, представляетъ

*) Да и предположивъ пропорціональное развитіе капиталистическаго хозяйства на всемъ земномъ шарѣ, его крушеніе представляетъ, правда, еще только проблему, которая необходимо—какъ я думаю—должна привести къ изслѣдованію самыхъ основныхъ частей марксовской теоріи капитала. Ибо пертурбація въ рынкѣ внутри мірового хозяйства представляетъ нѣчто совсѣмъ другое, чѣмъ установленная въ указанномъ случаѣ невозможность дальнѣйшаго развитія вполнѣ развившагося въ мировомъ хозяйствѣ капитализма, какъ цѣлаго. Эта невозможность не представляетъ собою вовсе безъ всякихъ разсужденій признанной вещи, а проблему, относительно которой тѣ, что говорятъ постоянно о крушеніи, собственно говоря, не имѣютъ никакого предчувствія.

самый большой вредъ и сильнѣйшимъ образомъ ослабляетъ его. *Изъ „крушенія“ капитализма, напр., въ Германіи соціалдемократія вышла бы на голову разбитой, аграріи же побѣдоносно и усилившись.* Подобное крушеніе означало бы въ дѣйствительности обратное аграрное развитіе. Выражаясь положительно, соціализмъ, находящій свое обоснованіе дѣйствительно въ современномъ экономическомъ порядкѣ, можетъ развиваться только слѣдуя за даннымъ интернаціональнымъ раздѣленіемъ труда.

Даже соглашаясь на то, что—какъ повидимому, полагаетъ Каутскій *)—соціализмъ въ дѣйствительности долженъ освятить періодъ обратнаго аграрнаго развитія новыхъ, такъ называемыхъ, „индустріальныхъ государствъ“ на новомъ общественномъ основаніи (чему я, впрочемъ, не вѣрю), не должно быть все же,—при предположеніи „крушенія“—найдено въ соціальной дѣйствительности какихъ-либо позитивныхъ склонностей къ такому аграрно-соціалистическому обратному развитію въ соціалистическомъ смыслѣ—мнѣ кажется, что для доступнаго предвидѣнію будущаго она остается утопіей **)—мыслима только тогда, когда предполага-

*) Крестьяне и сельскіе рабочіе должны составлять при переходѣ отъ капиталистическаго къ соціалистическому обществу особенно цѣнныя рабочія силы. Гигантское развитіе индустріи для мирового рынка и одновременное наводненіе рынка иностраннымъ хлѣбомъ—два явленія, находящіяся другъ съ другомъ въ глубочайшемъ взаимодѣйствіи, толкаютъ сельское населеніе въ города и, преимущественно, его работоспособные элементы. Какъ скоро внутренній рынокъ снова выступаетъ на передній планъ національной экономіи, и это явленіе должно прежде всего обнаружиться снова на растущей важности деревенскаго хозяйства. Болѣе высокая потребительная способность массъ требуетъ большихъ средствъ потребленія, сокращеніе же экспорта сокращаетъ привозъ извнѣ“ (Kautsky, Die Agrarfrage, Stuttgart 1899, S. 442).

**) Умнымъ защитникомъ этой утопіи является Эрикъ Роттеръ („Der Industriestaat und die arbeitenden Klassen“, Berlin 1897), который отсюда получаетъ *послѣдовательно* не лишенные важ-

ется непрерывность развитія, продолжительное перемѣщеніе хозяйства на новые пути. Если намъ должны возразить, что при „крушеніи“ капиталистическаго общества нѣтъ и мысли о какомъ либо насильственномъ разстройствѣ отношеній сбыта, то мы будемъ вправѣ спросить: что же такое это непонятное „крушеніе“, если оно не имѣетъ никакого матеріальнаго базиса, ни обнищанія, ни сокращенія рынка? Не является-ли оно просто громкой перифразой ожидаемаго претворенія капиталистическаго хозяйства въ соціалистическое, перифразой, которая должна быть безотлагательно и безъ снисхожденія удалена изъ сокровищницы научныхъ понятій и словоупотребленія, какъ ошибочная?

Здѣсь я долженъ прекратить дальнѣйшія разъясненія положительнаго характера относительно того, какъ можно и должно, по моему разумѣнію, *реалистически* представлять себѣ развитіе къ соціализму въ частностяхъ. Я думаю, впрочемъ, что детальному научному ученію о развитіи поставлены слишкомъ узкія границы.

Безсмертною заслугою Маркса и Энгельса во всякомъ случаѣ остается познаніе соціализма, какъ выраженія и цѣли рабочаго движенія. Если такое познаніе справедливо, то имъ устанавливается окончательно *эволюціонноисторическимъ путемъ отношеніе между конечною цѣлью и движеніемъ*. Движеніе представляетъ собою историческое prins. Соціализмъ обладаетъ реальностью постольку, поскольку онъ содержится въ возникающемъ изъ современнаго экономическаго порядка движеніи; не

ности и чрезвычайно осязательные программные вопросы. Недавнее разномыслiе Ольденберга—Зомбарта (Oldenberg, Deutschland, als Industriestaat, Göttingen 1897, Industriestaat und Exportindustrie, Sociale Praxis, 1899, № 28. Sombart, Ent'wickeln wir uns zum „Exportindustriestaat“? и Export und Kultur, ebend. Nr. 24 и 31) относительно экономическаго развитія Германіи интересно и съ точки зрѣнія соціалистической проблемы. Изъ вышесказаннаго ясно, что я раздѣляю взглядъ Зомбарта на индустріальное развитіе.

болѣе и не менѣе. Отвлеченное же надѣленіе самостоятельностью противоположностей, капитализма—соціализма, приводитъ къ форменной миѳологіи понятій и къ противорѣчащему всему человѣческому опыту обобщенію „формулы противорѣчія"—такое надѣленіе самостоятельностью есть истинный психологически—этическій мотивъ эволюціонноисторическаго утопизма. И такимъ образомъ, эволюціонноисторическій утопизмъ—пользуясь образнымъ выраженіемъ Гейне—начинаетъ „галопировать въ будущее верхомъ на идеѣ".

И развѣ онъ не вправѣ поступить такъ? Эволюціонноисторически безусловно не вправѣ, когда и поскольку на мѣсто эмпирически-реалистической картины онъ ставитъ фантастическую миѳологію понятій и въ цѣляхъ этой послѣдней жертвуетъ первой. Самымъ сомнительнымъ въ немъ является непосредственно то, что въ качествѣ эволюціоннаго ученія онъ съ самаго начала претендуетъ на научность и признается научнымъ.

Но возмемъ вопросъ съ другого конца: возмемъ проблему соціализма не эволюціонноисторически, или лучше сказать, не только эволюціонноисторически, но и какъ *практически-политическую проблему. Въ такомъ случаѣ* отношеніе между конечной цѣлью и движеніемъ измѣняется. *Въ такомъ случаѣ* конечная цѣль необходимо должна господствовать надъ движеніемъ. Въ этомъ ключъ къ теоретикопознавательному объясненію и соціально-психологической оцѣнкѣ эволюціонноисторическаго утопизма. Каждый соціалистъ исходитъ изъ соціализма, какъ моральнополитическаго идеала; этотъ идеалъ служитъ для него регулятивной идеей, которою измѣряются и оцѣниваются съ этически-политической точки зрѣнія отдѣльные факты и поступки. Не иначе дѣло обстоитъ и съ классомъ, который, будучи сорганизованъ въ партію, и по внѣшности своей и по сущности выступаетъ объединенно въ качествѣ *этически политическаго субъекта.*

Соціалдемократическое движеніе должно быть идеально руководимо конечной цѣлью или—оно должно само себя уничтожить. Вѣра въ конечную цѣль есть религія соціалдемократіи и эта религія является совсѣмъ не „частнымъ дѣломъ“, но самымъ важнымъ общественнымъ дѣломъ партіи.

Но быть можетъ „марксизмъ“—это частное дѣло? *)

Содержаніе соціалдемократической религіи дано движеніемъ, его носителемъ—пролетаріатомъ—и конечною цѣлью. Отдѣльные соціалисты могутъ отчаяваться въ классовой борьбѣ и становиться буржуазными, государственными, церковными соціалистами, чѣмъ нибудь еще въ этомъ родѣ, но *организованный въ формѣ партіи классъ или надъленная классовымъ самосознаніемъ партія* не можетъ этого сдѣлать, не приходя въ упадокъ. Классовая борьба есть ея существованіе, о чемъ обыкновенно не бываетъ споровъ. Поскольку, такимъ образомъ, „марксизмъ“ знаменуетъ собою направленную на конечную соціалистическую цѣль классовую борьбу, онъ *совершенно неуничтожимъ*—правиленъ ли онъ или неправиленъ. Нельзя сохранить себя, уничтожая свою живую личность, и эту собственную жизненную личность можно только тогда утвердить, когда утверждается ея идеальное содержаніе и ея физическій носитель. Именно, постольку „марксизмъ“ есть самая настоящая сущность соціалдемократіи.

Прочее содержаніе господствующей соціалдемократической религіи—со включеніемъ эволюціонноисторическаго утопизма—не имѣетъ необходимости быть связываемо съ соціалдемократическимъ движеніемъ. Оно можетъ быть оставлено мышленіемъ. И это послѣднее случается, конечно, гораздо легче, чѣмъ историческое отрѣшеніе и преодолѣніе.

---

*) Этотъ вопросъ былъ уже разъ подвергнутъ обсужденію въ этой же самой постановкѣ, но въ другой связи д-ромъ Шидловскимъ въ „Deutschen Worten“.

Здѣсь я долженъ высказаться о книгѣ Бернштейна, которая дала внѣшній толчекъ этимъ разсужденіямъ *).

Эволюціонно-историческій утопизмъ, оспаривать который старается Бернштейнъ, и который оспаривается имъ отчасти съ успѣхомъ, исторически сросся тѣснѣйшимъ образомъ съ отвлеченно необходимымъ содержаніемъ соціалдемократической религіи. Эволюціонно-историческій утопизмъ нельзя просто ампутировать, имѣя въ своемъ распоряженіи и болѣе тонкіе духовные инструменты, чѣмъ Бернштейнъ. Онъ слишкомъ глубоко проникъ въ соціалдемократическое сознаніе.

Это въ совершенствѣ соотвѣтствуетъ также и его величественной, исторической функціи. Раціоналистическое суевѣріе—предполагать, что только внутренно справедливыя и истинныя идеи могутъ вліять благопріятно на личную или общественную жизнь. Научно ошибочныя идеи могутъ благодаря своему *психологически* обусловленному воздѣйствію оказывать на общественную жизнь могущественное и благодѣтельное вліяніе. Онѣ могутъ своимъ проявленіемъ имѣть политически справедливые поступки Не только реалистическіе элементы марксизма, но и эволюціонно-историческій утопизмъ оказалъ неоцѣненную услугу соціалистической пропагандѣ и агитаціи: своею квазинаучной миѳологіей понятій и „формулою противорѣчія“ онъ создалъ полную иллюзію яснаго и непрерывнаго ряда представленій. И это было въ истекшемъ періодѣ соціалдемократическаго движенія практически самымъ

*) Изложенное въ этой статьѣ возрѣніе совпадаетъ въ существенныхъ чертахъ съ общей идеей, которую я высказалъ въ моемъ русскомъ сочиненіи „Критическія замѣтки по вопросу о хозяйственномъ развитіи Россіи“, С. Петербургъ 1894 г. Въ предисловіи къ этому сочиненію я уже защищался отъ упрековъ марксистской отродоксіи. Несмотря на то я продолжаю и для моего воззрѣнія претендовать на названіе „марксистскаго“. Оно связано именно съ основнымъ реалистическимъ взглядомъ марксовской философіи исторіи.

важнымъ и самымъ цѣннымъ: этимъ знаменовалось соціалдемократическое воспитаніе пролетаріата.

Является ли это средство воспитанія уже пережиткомъ—судить трудно. Во всякомъ случаѣ съ теченіемъ времени оно утвердилось, какъ преданіе. Но преданіе весьма далеко отъ того, чтобы быть для массы тѣмъ, чѣмъ оно является для Бернштейна,—нестерпимымъ Cant'омъ. Преданіе является еще истиннымъ для вѣрующихъ, объективнаго же Cant'а оно не представляетъ.

Но соціалдемократическая религія можетъ мѣнять свое содержаніе, оставаясь, все же, соціалдемократической. И она сдѣлаетъ это. Она откажется со временемъ отъ эволюціонно историческаго утопизма: рядъ представленій, религіозныхъ нынѣ, будетъ оставленъ или замѣщенъ другими, которыя лишены религіознаго характера. Повидимому, совершится шагъ назадъ: на мѣсто устраненныхъ ясныхъ представленій встанутъ неясные благодаря своей общности постулаты или практическіе и, я почти рѣшаюсь сказать, мелкіе программные пункты. Но такъ начинается всегда религіозный, или подобный религіозному, переворотъ въ идеологіяхъ. Мнѣ напрашивается одна аналогія; она подходитъ одинаково какъ къ соціализму, такъ и къ божественной идеѣ. Послѣдняя съ теченіемъ исторіи своего развитія безусловно теряетъ въ ясности для человѣческихъ головъ, а также нѣсколько и въ научности, и ея понятія должны быть оставлены,—классическіе боги и старый Іегова были гораздо болѣе осязательными образами, чѣмъ Богъ деизма; въ новѣйшихъ же религіозныхъ идеологіяхъ личность Бога является совершенно расплывчатою. Въ религіи, какъ таковой, дѣло вообще идетъ не о содержаніи но—какъ объяснилъ это явственно Фр. Альб. Ланге—о „формѣ душевнаго процесса", объ особой формѣ чувствованія, которая сочетается съ тѣмъ и другимъ содержаніемъ и развивается на его основаніи. Бернштейнъ твердо стоитъ за соці-

ализмъ и классовую борьбу. Такимъ образомъ, онъ остается соціалдемократомъ—и въ этомъ ему не должны отказывать по справедливости на дѣлѣ его противники. Но эволюціонно-историческій утопизмъ имъ оставленъ совершенно. Всѣ свои сомнѣнія, всѣ разрушительные и созидательные элементы своего соціально политическаго возрѣнія онъ изложилъ въ своей книгѣ. Его книга представляетъ самый важный симптомъ преобразованія соціалдемократической идеологіи и вмѣстѣ —такъ какъ Бернштейнъ рядомъ съ Энгельсомъ и Каутскимъ является сооснователемъ марксистской ортодоксіи,—морально импонирующій поступокъ. Но для того, чтобы вліяніе сказалось, должно пройти время. Съ другой стороны въ теоретическомъ отношеніи эта книга чрезвычайно неудовлетворительна. Научно плодотворная критика марксизма должна быть принята вообще теоретико-познавательнымъ путемъ. Марксизмъ не представляетъ эмпирической конструкціи, которыхъ существуютъ дюжины. Онъ является величественною философскою системой, построенной подъ вліяніемъ такихъ мыслителей, какъ Гегель, Фейербахъ, Сенъ-Симонъ, Фурье и Прудонъ. Всѣ такія системы, хоть онѣ и стремятся также къ реализаціи при помощи эмпирическаго матеріала, должны быть изслѣдованы въ ихъ философскомъ фундаментѣ, т. е. проанализированы теоретико познавательнымъ и логическимъ путемъ. Но то, что Бернштейнъ предлагаетъ въ видѣ критики философскаго фундамента марксизма, очень слабо. Онъ думаетъ, что матеріалистическое пониманіе исторіи нужно смягчить „менѣе детерминистическимъ“ толкованіемъ. Какъ будто, вообще, можно придавать больше или меньше детерменизма, или обратно свободы. Кантъ разъ навсегда отвергъ эту ребяческую идею, какъ „жалкую подпорку“.

Бернштейнъ вообще не видитъ того, что Марксъ, какъ я стремился показать въ этой статьѣ—въ своемъ ученіи о соціальномъ развитіи недостаточно строго дер-

жался своихъ собственныхъ реалистическихъ (vulgo—матеріалистическихъ) предпосылокъ.

Онъ считаетъ необходимымъ исправить соціальный „матеріализмъ“ Маркса при помощи ошибочнаго идеализма. Въ этомъ заключается, несомнѣнно, ложный діагнозъ: какъ соціологическое ученіе, марксизмъ долженъ быть подвергнутъ сильному *реалистическому* леченію. Теоретически „идеализмъ“ Бернштейна не критиченъ, его практическій реализмъ не только не „циниченъ“, какъ полагаетъ одинъ радикальный его противникъ, но напротивъ того, недостаточно сознателенъ, даже робокъ. Въ цѣломъ же это сліяніе ложнаго теоретическаго идеализма съ робкимъ практическимъ реализмомъ, производитъ—sit venia verbo!—филистерское впечатлѣніе. Бернштейнъ самостоятельно—при помощи здраваго человѣческаго разсудка—освободился отъ сѣтей гегелевской діалектики, Но для науки такое „самоосвобожденіе“ за исключеніемъ нѣсколькихъ удачныхъ мыслей—не даетъ почти что ничего. „Теорія крушеній“ должна быть аттакована въ своемъ отвлеченно-логическомъ укрѣпленіи. На ея мѣсто дѣйствительно должна быть поставлена наука. Безъ признанія „неподвижности“ понятій, которыя совсѣмъ не представляютъ „отраженій“ трансцендентныхъ вещей, она не можетъ существовать и дня и открывать человѣческому познанію, какъ измѣнчивые, такъ и неизмѣнные элементы міра. Она должна быть разъединена съ „формулой противорѣчія“ и отказаться отъ ея общезаконности, какъ противорѣчащей общему опыту. Спеціальный опытъ во главѣ *съ такъ наз. „матеріалистическимъ пониманіемъ исторіи“* тоже протестуетъ противъ построенной на формулѣ противорѣчія „теоріи крушеній“. Такимъ образомъ, оказывается, что эта теорія была съ самаго начала теоріей „соціальнаго чуда“. Такія теоріи не могутъ дать наукѣ никакого направленія, т. е. должны быть для нея неизбѣжно потеряны.

Научный соціализмъ не представляетъ собою чисто-научной культуры: какъ соціальный идеалъ онъ является необходимо соединеніемъ науки съ утопіей. Утопическій элементъ соціализма возникаетъ благодаря тому, что соціальное будущее придетъ не просто; оно должно быть достигнуто и достигнуто въ борьбѣ. Оно носитъ печать той же неявственности, какую обнаруживаетъ для нашего психологическаго сознанія всякое будущее человѣческое поведеніе. Оно никогда не можетъ быть въ совершенствѣ предопредѣлено для нашего духовнаго взгляда; это убило бы въ зародышѣ всякое стремленіе къ цѣлесообразнымъ поступкамъ. Но чѣмъ болѣе допускаетъ оно предопредѣленіе, чѣмъ болѣе оно познается нами и внутренне въ своей исторической необходимости, чѣмъ меньше, слѣдовательно, въ соціальномъ идеалѣ область неяснаго, утопіи, тѣмъ лучше обоснованъ нашъ идеалъ, тѣмъ явственнѣе становится для насъ элементъ вѣчной неясности—наша утопія. Въ этомъ оправданіе и значеніе научнаго и спеціально эволюціонно-историческаго обоснованія соціализма. Это послѣднее должно стремиться, поскольку это въ его силахъ, нарисовать соціальную картину будущаго исключительно въ цвѣтѣ исторической необходимости. Но, какъ наука, оно должно оперировать только научными принципами и критеріями. Оно должно смотрѣть за тѣмъ, чтобы кругъ его дѣятельности не было нарушенъ проникновеніемъ утопіи.

Съ другой стороны и утопія имѣетъ свои права. Она представляетъ собою невозвысившуюся до науки, *автономную* часть соціальнаго идеала Требованіе яснаго различенія между утопіей и наукою помогаетъ также и ей въ ея правахъ. Утопія не должна противорѣчить наукѣ, но она можетъ и должна быть автономной. Марксистскій кризисъ, какъ идеологическое явленіе въ значительной мѣрѣ позволяетъ счесть его основаніемъ непризнанія этой истины. Обыкновенно стремятся стать слишкомъ научными и зачастую тенденці-

озно подчиняютъ съ одной стороны науку соціализму, съ другой же—достоинство и цѣнность соціализма ставятъ въ зависимость отъ во многихъ еще отношеніяхъ сомнительнаго или несостоятельнаго научнаго обоснованія.

При этомъ забывается, что соціализмъ есть соціальный идеалъ и, какъ таковой, обладаетъ постоянно божественнымъ правомъ на львиную долю утопичности. Реакція противъ ортодоксальной псевдонауки, которая стремилась поглотить въ себѣ весь соціализмъ, не могла замедлить своимъ появленіемъ.

Каждому, кто считаетъ себя соціалистомъ, утопическій и революціонный элементы въ соціализмѣ также дороги или еще болѣе дороги, чѣмъ реалистическій элементъ. Ошибоченъ только тотъ утопизмъ который выдаетъ себя за науку. То, что Марксъ и Энгельсъ были утопистами и революціонерами, создаетъ ихъ человѣческое и въ значительной степени историческое величіе. Но насколько они поставили себѣ титаническую задачу, установить полное совпаденіе и единство того, что все снова и снова стремится стать единствомъ и никогда не въ состояніи достигнуть этого: бытія и долженствующаго быть, они потерпѣли крушеніе и должны были потерпѣть крушеніе, какъ мужи науки. Но это научно безцѣльное стремленіе возвысило ихъ, какъ мужей дѣла. „Pour faire des grandes choses il faut être passioné“—это глубокомысленное изрѣченіе великаго учителя Сенъ-Симона оправдалось также и на великихъ ученикахъ, Марксѣ и Энгельсѣ.

Въ заключеніе должна быть высказана съ большою настойчивостью одна мысль: если критически марксизмъ въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи ученія Маркса долженъ дѣйствительно встать на твердую почву, онъ долженъ придерживаться основного реалистическаго взгляда самого Маркса, его „матеріалистическаго“, правильнѣе, экономическаго пониманія исторіи.

In hoc signo vinces!

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
УЧЕТ 1935 г.